

СЫН УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

СЫН УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

Сказки индейцев Нового Света

Рисунки Н. Гольц

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971

Перевод с испанского,
английского и немецкого

Из века в век, от поколения к поколению передаются в народе сказки и легенды. У каждого народа свои любимые герои, свои мечты и заботы, свой поэтический видение. В нашем сборнике вы познакомитесь со старинными легендами и сказками индейцев Южной, Центральной и Северной Америки, или, как называли эти земли первооткрыватели-европейцы, Нового Света.

Свои впечатления об этой книге вы можете прислать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Без малого пятьсот лет назад, в 1492 году, Христофор Колумб отплыл из Испании на запад, в неведомые дали Атлантического океана. Он хотел отыскать новый, западный путь в Индию. А нашёл Новый Свет — Америку.

Но Колумб не понял, что это Новый Свет. Он думал, что перед ним Индия. А потому назвал настоящих, исконных американцев индейцами.

Так за ними это название и осталось.

Когда испанцы приплыли в Америку, в среднюю часть её, где сейчас находится Мексика, они увидели прекрасные города с дворцами и храмами, возделанные поля, каналы, дороги, мощённые каменными плитами. Здесь, в Центральной Америке, была колыбель высокой и древней культуры майя, ацтеков и родственных им племён.

Когда англичане лет через триста после испанцев начали захватывать земли в Северной Америке, они столкнулись с кочевыми племенами индейцев-охотников, свирепых, гордых и полудиких.

Испанцы и португальцы, в погоне за золотом и драгоценностями, уничтожили древние государства Центральной Америки.

Англичане, французы, немцы и прочие европейские переселенцы уничтожили бизонов, без которых индеец-охотник не мог жить, и загнали немногих уцелевших индейцев Северной Америки в особые поселения — резервации.

От былой славы и величия настоящих, исконных американцев остались легенды и сказания далёких времён. Малая часть их собрана в этой книге.

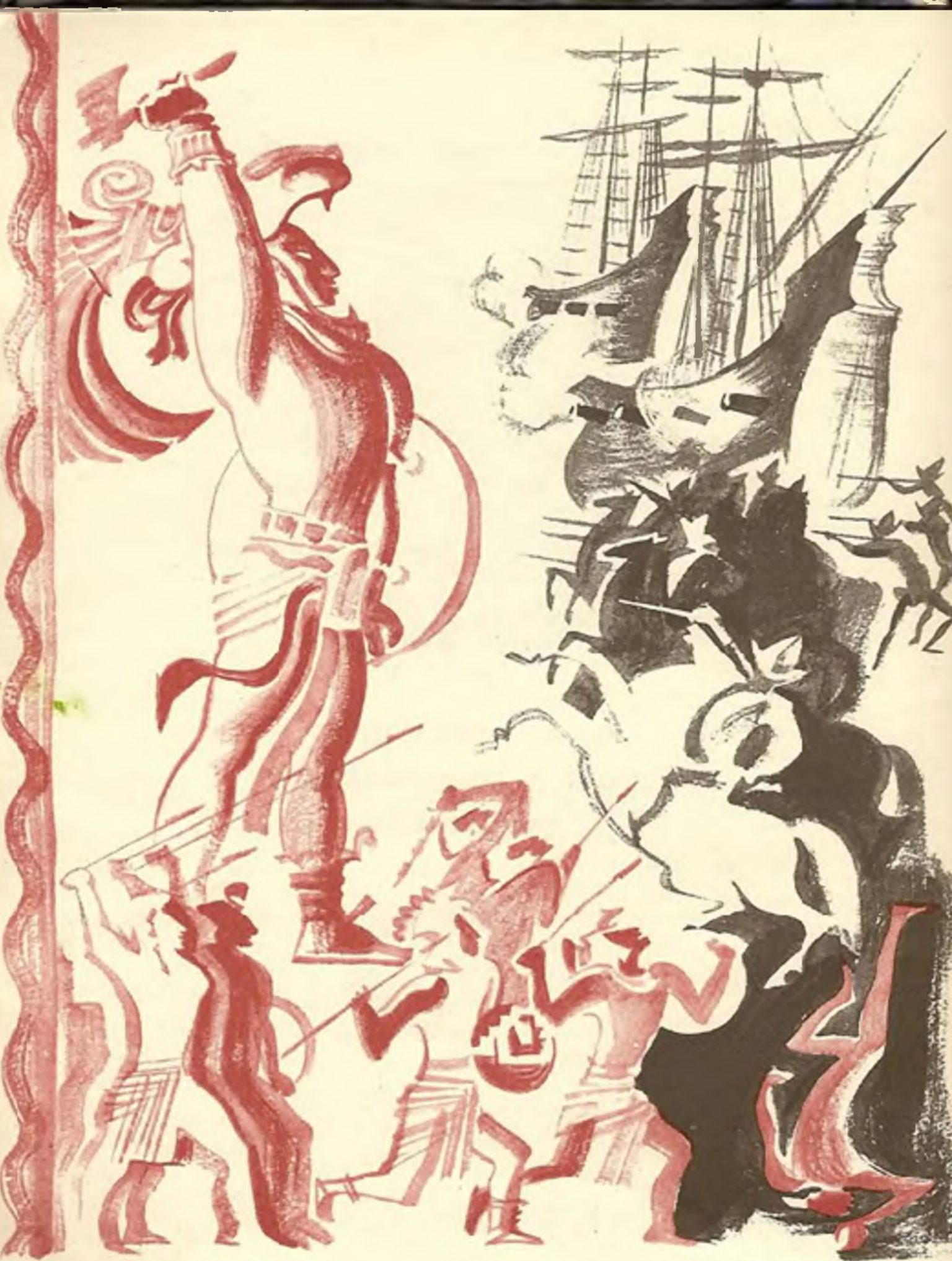
Пройдём же немного по Новому Свету с юга на север, как неторопливые путники. Представим, что мы идём из удушливых, заболоченных лесов Амазонки через узкий Панамский перешеек, через плоскогорья и пустыни Мексики, через бескрайние прерии Страны бизонов всё дальше к смолистым лесам Канады. Идём и прислушиваемся к тому, что рассказывают в жаркой сельве, среди развалин древних ацтекских городов или под сенью вигвама в северном лесу. Послушаем старые легенды Нового Света.

Это присказка. Сказка впереди.

Сказки индейцев
Южной и Центральной
Америки

Печаль индейца

Однажды птицы и звери спросили индейца-ацтека: — Почему ты такой печальный? Чего тебе хочется? Попроси, и мы тебе всё дадим.

Индеец молвил:

— Хочу быть счастливым.

Сова сказала:

— А что такое счастье? Попроси что-нибудь другое.

— Хочу быть красивым.

Ястреб сказал:

— Будешь таким же красивым, как я.

— Хочу быть сильным.

Ягуар сказал:

— Будешь таким же сильным, как я.

— Хочу быть хитрым.

Лиса сказала:

— Будешь таким же хитрым, как я.

— Хочу ловко лазать по деревьям.

Белка сказала:

— Будешь таким же ловким, как я.

— Хочу видеть в темноте.

Рысь сказала:

— Будешь таким же зорким, как я.

— Хочу ходить без усталости.

Олень сказал:

— Будешь таким же выносливым, как я.

— Хочу предсказывать начало ливней.

Соловей сказал:

— Буду предупреждать тебя песней.

— Хочу распознавать целебные травы.

Змея сказала:

— О, я научу тебя — ведь я знаю свойства всех трав.

Так индеец получил всё, что хотел, кроме счастья.

Но сова сказала:

— Скоро индеец будет много знать и много уметь.

А птица Чачалака закричала:

— И тогда пройдёт его печаль!

Цветок солнца

Много лет назад в одном селении ацтеков жила девочка по имени Ксочитл, что означает «цветок». Ксочитл очень любила солнце. Она любовалась им с утра до вечера. А когда солнце скрывалось за горами, она шла домой и, засыпая, думала о том, что завтра вновь увидит его.

В то лето солнце палило нещадно. На небе не было ни облачка, на землю не выпало ни капли дождя. От жажды поникли цветы и травы, в полях не вырос маис, люди страдали от голода. И тогда маленькая Ксочитл поняла, что земле нужен дождь. И она сказала своему любимому Тонатиу, что означает «солнце»:

— Тонатиу, ты знаешь, как я тебя люблю, ты знаешь, какое для меня счастье видеть тебя! Но людям нужен дождь. Посмотри, как они страдают! Сжался над ними!

И Тонатиу выполнил просьбу маленькой девочки. Тучи покрыли всё небо, и пошёл дождь. Он шёл много дней. Поля зазеленели, цветы и травы выпрямились, люди были счастливы.

Только Ксочитл становилась с каждым днём всё бледнее и печальнее — ведь она столько времени не видела солнца! А лучи солнца были ей нужнее всего на свете.

Девочка совсем уже ослабела, когда опять появилось солнце. Оно обогрело свою любимицу и сказало ей:

— Идём, Ксочитл, со мной в страну, где никогда не заходит солнце, в страну, где всегда цветут цветы. Отныне твоё имя будет Ксочитл-Тонатиу — Цветок солнца.

И девочка превратилась в прекрасный золотистый цветок, только серединка у него была тёмная, как её глаза и волосы.

Этот цветок на рассвете поворачивается в сторону восходящего солнца и следует за ним, пока оно не зайдёт.

С той поры, когда у нас наступает осень, а в Америку приходит весна, на полях Мексики расцветают золотистые цветы ксочитл-тонатиу, что на языке индейцев значит «подсолнечник».

Рождение Мауса

Аревний бог Кецалькоатль — Великий Пернатый Змей — жил на небе среди облаков. Но однажды решил он взглянуть на землю. И вот он спросил разрешения у своих старших братьев и спустился с неба в густые заросли камыша на землю толтеков. Там, вдали от людей, он построил себе дом из веток и травы.

Вскоре умер вождь толтеков. Тогда индейцы пришли к Кецалькоатлю и позвали его в свой город Тлауак. Они выбрали его вождём и верховным жрецом.

Кецалькоатль увидел, как бедно живут люди, и захотел им помочь. Он отправился ночью на Холм Ведьм и возвращался к своим старшим братьям. Он просил ниспослать ему мудрость, чтобы поделиться знаниями с людьми.

И боги открыли ему тайны всех ремёсел. Кецалькоатль научил людей добывать серебро и золото, обрабатывать изумруды, гранаты и бирюзу.

Он научил их делать ковры из разноцветных перьев птицы Кетцаль, из пурпурных перьев Красной птицы и жёлтых перьев Жёлтой птицы.

Он научил их ткать нарядные ткани.

Он показал им, как строить себе жилища из камня и кирпичей.

И тогда по совету Кецалькоатля люди построили четыре прекрасных дворца. Первый был выложен изумрудами, второй был сделан из кораллов и перламутра, третий украшен искусной золотой чеканкой, а четвёртый дворец был весь из чёрного дерева. И все залы во всех дворцах были устланы дорогими коврами из разноцветных птичьих перьев.

Но мудрому Кецалькоатлю этого было мало. Он желал добра людям и хотел им дать нечто более ценное и полезное, чем золото и серебро. Он мечтал о сокровище, которое осталось бы народу на все времена.

И вот как-то ночью, когда луна осветила город, Кецалькоатль снова отправился к Холму Ведьм. В лесу было ти-

хо. Чуть слышно журчали ручьи, да птицы шуршали по сне. Ярко светила луна. Кецалькоатль прилёг на траву и забылся глубоким сном.

И во сне увидел Кецалькоатль высокий холм, поросший цветущими розами. А рядом с холиом — огромный муравейник. Красные и чёрные, большие и маленькие муравьи суетились у всех его выходов, словно объятые тревогой. Они о чём-то шептались на своём языке и чего-то ждали.

И вот из глубины муравейника выбежали самые крупные муравьи — воины. Они несли сокровище!

То были полупрозрачные светлые зёрна, чуть желтоватые, таких не видывал ещё никто из людей: муравьи умели хранить своё сокровище! Кецалькоатль первым увидел чудесные зёрна. Он прислушался:

«Маис, маис, маис...» — шуршали муравьи. Они зарыли светлые зёрна в землю, и вскоре из земли поднялись высокие гибкие стебли с удлинёнными листьями и продолговатыми плодами. Из каждого плода высывался хохолок золотистых нитей, похожих на волосы Солнца...

Тут Кецалькоатль проснулся. Его тело горело, лицо покрылось красными и жёлтыми пятнами. Он умылся ключевой водой и пошёл в глубь леса.

Он шёл по лесным тропам, пока не пришёл на маленькую полянку, посреди которой увидел большой муравейник.

Тот самый муравейник, который он видел во сне.

Тогда Кецалькоатль превратился в красного муравья, проник в подземное жилище и из муравьиной сокровищницы взял несколько чудесных зёрен.

Эти светлые зёрна он принёс и подарил толтекам.

Так Пернатый Змей — Кецалькоатль дал людям дивный знак — маис. И теперь маис колышется на полях Мексики, как изумрудное море, поющее песню жизни.

Любовь двух вулканов

Велика и богата страна Анауак. Много племён было в ней, много городов. Но все племена, и большие и малые, подчинялись императору ацтеков и платили ему дань.

Велика и богата была страна Анауак. Но народы её не были счастливы. Всё золото и серебро несли они в сокровищницы императора. Самых красивых юношей и девушек приходилось им отдавать на жертвенные алтари ацтеков. Люди устали. Вожди племён негодовали. Но все страшнее гнева могущественного императора.

В тех краях жило великое племя тласкалы. У вождя этого племени была единственная дочь Истакснuatль, прекрасная, словно рассвет.

Все любили красавицу Истакснuatль, но сильнее всех любил её Попокатепетль, самый отважный воин племени.

Однажды старый вождь тласкалы объявил вождям других племён:

— Мой народ хочет освободиться от рабства. Давайте объединимся для борьбы. Не дадим больше ни золота, ни детей наших на алтари ацтеков!

Но страх сковал вождей. Они промолчали. Так мятежный народ тласкалы остался один на один с войском могущественного императора ацтеков.

И вот началась война. Старый вождь тласкалы поставил во главе своего войска Попокатепетля, самого храброго и самого сильного из воинов племени. И в час выступления сказал ему Попокатепетль:

— Если кончится наш поход победой, отдай мне в жёны твою дочь, прекрасную, словно солнце.

— Да будет так! — поклялся старый вождь.

Однако случилось иное. И никто в том не виноват.

Неустранимый Попокатепетль шёл впереди своих воинов. В сердце его горела надежда. Он пробирался сквозь лесные заросли и поднимался на высокие горы. Со своими воинами он переправлялся через реки и озёра. Он не знал страха и усталости.

Отбросив врагов, Попокатепетль украсил свой шлем орляными перьями — знаком победы. С горжеством возвращался он к родному племени, мечтая о желанной награде. На улицах города он слышал музыку и победные крики. Но во дворце вождя его встретила тишина. У Попокатепетля замерло сердце.

Вождь тласкалы вышел ему навстречу тихими шагами. Глаза его были полны слёз. Он взял воина за руку и пошёл по тёмным галереям. Они подошли к могяле, высеченной в скале. И здесь увидел Попокатепетль свою любимую. Она была завернута в погребальные покрывала.

Старый вождь заговорил, и голос его прерывался рыданиями:

— Сын мой, я хотел отдать её тебе в жёны... Но смерть украдала у нас прекрасную Истаксиуатль...

Могучий воин не мог вымолвить ни слова. В отчаянии застыл стважный Попокатепетль. Потом схватил колчан полный стрел, и переломил его, словно тростинку. Страстным голосом воззвал он к теням своих предков. В отчаянье клял он небо за то, что оно даровало ему победу, но украдало любимую.

До самой ночи Попокатепетль проплакал у могилы. А когда взошла луна, он встал. При свете луны он казался гигантом. Громовым голосом он позвал своих воинов. И они пришли, в лунном свете все подобные великанам.

Попокатепетль приказал им воздвигнуть гору в честь его возлюбленной и другую гору для него самого.

И воины воздвигли две горы до самых небес.

Попокатепетль взял любимую на руки и начал подниматься с нею по склону одной горы. На самой вершине он опустил её на землю. А сам с боевым топором в руках сел напротив на вершине другой горы. И оба влюблённых оклеменели навеки.

Так появились две горы — Истаксиуатль и Попокатепетль. Стоят они, как двое возлюбленных, друг против друга. Вершины их покрыты снегами. И кажется, что сланный Попокатепетль до сих пор охраняет покой красавицы Истаксиуатль.

Легенда о городе Мехико

Было это давно. Вождь племени ацтеков как-то заснул под деревом. И приснилось ему, будто подлетел к нему орёл и прокричал:

Тиуэй, тиуэй,
Уходите скорей!
Там найдёте вы землю свою,
Где орёл терзает змею!

Проснулся вождь и сказал индейцам:

— Вещая птица моего сна велела нам выйти на походную тропу.

Все индейцы подчинились ему, потому что он был вождём. Они затушили огонь в очагах, забрали детей, стариков и пустились в дорогу. Путь их лежал через разные земли и селения, и всюду их встречали враждебно.

Прошло много лет. Старый вождь умер. На смену ему пришёл другой вождь и, состарившись, тоже умер. Вожди сменяли вождей, а племя всё шло и шло.

Юноши спрашивали:

— Когда же мы наконец остановимся?

Старики спрашивали:

— Где же мы наконец отдохнём?

Но вожди отвечали:

— Дальше. Там, где мы встретим гордого орла со змеёю в когтях. Орлы — это мы, а змеи — это наши враги.

И индейцы продолжали свой путь, неутомимые и спокойные, — ведь их вела вещая птица сна!

И в одно прекрасное утро вышли они на берег огромного озера. Посреди озера увидели они остров, посреди острова — высокий кактус, а на кактусе — гордого орла, держащего в когтях змею.

И решили тогда индейцы:

— Это и есть тот самый орёл, о котором нам рассказывали наши отцы и деды. Дальше мы не пойдём.

Они остановились и начали строить жилища из глины и веток.

Так на берегу озера появилось индейское селение. Оно с каждым годом росло и росло и превратилось в большой город Мехико. Говорят, этот город назван так в память о первом вожде племени, имя которого было Мекситил.

И на гербе страны Мексики до сих пор можно видеть кактус, а на нём — гордого орла со змеёю в когтях.

Сердце гор

Говорят, когда могущественный бог Оба только ещё создал землю и заселил её людьми, земля была совсем плоской, а вокруг простиралось море.

Однажды на море поднялись гигантские волны и обрушились на равнину. Прошло несколько дней, море успокоилось и отступило. Но люди жили в страхе. Они боялись, что волны снова устремятся на берег и всё живое погибнет.

И один из людей сказал:

— Мы сами ничего не можем. Только Оба, наш великий отец, сумеет помочь нам. Попросим его защитить нас от моря.

На другой день все индейцы собрались на берегу. Они сели на песок и замсрли, как будто заснули глубоким сном, — так они молились великому Обу.

Оба выслушал просьбу людей, посмотрел на плоскую землю и понял их страхи. Он позвал своего сына Ологитурра и сказал ему:

— Я хочу, чтобы ты спустился на землю и сделал что-нибудь для людей.

Но Ологитуру хорошо жилось и на небе.

— А зачем мне спускаться на землю? — спросил он.

И тогда Оба рассказал ему о просьбе людей.

— Берег не должен быть ровным и плоским, — сказал он. — Людей надо защитить от моря, и тогда их покинет страх.

— Но я не знаю, как это сделать, — ответил Ологитурр. Оба сурово посмотрел на сына, и тот умолк.

Однако на землю Ологитур не хотел спускаться. Он отложил это дело до завтра.

Едва начало сзетать, сын Обы вспомнил о поручении отца и выглянул из-за розовых утренних облаков. Он увидел внизу сухую, знойную равнину и море, которое лениво плескалось о берег.

«По-моему, дело терпит, — подумал Ологитур. — Море спокойно, земле ничто не грозит. Главное — не попадаться отцу на глаза, а люди могут и подождать».

Дни шли за днями, а Ологитур всё медлил. Первое время он часто поглядывал на землю в просветы между облаками, но каждый раз видел спокойно сияющее море. И он совсем перестал смотреть вниз. А если и вспоминал иногда о поручении Обы, то успокаивал себя мыслью, что он всё равно ещё не придумал, как помочь людям.

Но вот однажды Оба взглянул на землю — хотел проверить, что сделал Ологитур. Каково же было его удивление, когда он увидел, что земля всё такая же ровная и плоская, какой была прежде. Грозным голосом он позвал сына. Ологитур предстал перед ним, дрожа от страха.

— Усмири свой гнев, отец! — взмолился он. — Я очень виноват перед тобой: до сих пор не выполнил твоё повеление.

Оба очень любил сына и был готов простить Ологитура.

— Хорошо, что ты сознаёшь свою вину. Но объясни мне, почему ты до сих пор не побывал на земле?

Ологитур понял, что гроза миновала, и спокойно ответил:

— С того дня, как ты приказал мне спуститься к людям, я смотрю на землю и думаю: как защитить её от моря? Но до сих пор ничего не придумал.

— Хорошо, я подожду. Я надеюсь на тебя, мой сын.

И Оба удалился.

На другое же утро Ологитур спустился на землю. Он вышел на берег — перед ним бурлило море. Оно казалось свирепым зверем, готовым поглотить Ологитура.

И тут он подумал, что хорошо бы поднять на берегу высокие горы, чтобы они были выше самых высоких волн.

Только как это сделать? И сколько нужно потратить на это сил? Ологитур вздохнул. Он вспомнил родные небеса, и ему показалось, что он уже очень давно там не был. Ему захотелось вернуться и ни о чём больше не думать. И он поднялся на небо.

Опять потекли беззаботные дни, пока однажды Ологитур не услышал гневный голос отца:

— А я-то надеялся, что ты выполнил моё повеление! За твою непокорность я тебя покараю!

И Оба столкнул Ологитура с неба на землю. Солнце на миг ослепило Ологитура, а потом наступила тьма. Ологитур с размаху ушёл глубоко под землю. И земля сомкнулась над его головой.

Долгое время Ологитур не понимал, где он. Потом он нашупал над собой каменный свод подземелья. Он попытался встать, но почувствовал на спине огромную тяжесть. Тесно и темно было в подземелье.

Ологитур затосковал. Он уже не вспоминал о высоких небесах, где ему жилось так беспечно; он мечтал хотя бы о земле, которую раньше презирал. Ему захотелось снова очутиться на берегу моря. Он напряг все силы и приподнял над собою свод земли. В темноте и одиночестве двинулся он вперёд на поиски света. Но его путь по глубинам земли становился всё труднее, ему не хватало воздуха. Он садился, отдыхал и снова шёл, теряя силы и надежду...

А индейцы всё ещё терпеливо ждали, что Оба поможет им, защитит их от моря.

И вот однажды они почувствовали, что земля дрожит под ногами. Страх охватил людей. С изумлением смотрели они, как земля поднимается, горбится. И вот на глазах у них выросла целая гора! Вслед за первой начали появляться другие горы, пока не возникла высокая горная цепь. Это Ологитур бродил под землёй. И от этого на ней вырастали те самые горы, которые он не знал, как воздвигнуть.

До сих пор непокорный сын Обы живёт под землёй и никак не может привыкнуть к темноте и одиночеству. Когда он сердится, из-под земли раздаётся гул. Когда он

летаёт и начинает ходить, сотрясается всё вокруг. А когда он, усталый, садится и тяжело вздыхает, из вулканов извергается огненная лава.

Легенда о вожде Карлике

В древнем городе Юксмале жил когда-то великий вождь племени майя. Жил он в большом доме, у него было много воинов, и ему принадлежали самые плодородные земли.

И в те же времена в городе Нопате, в хижине, крытой пальмовыми листьями, жила старуха колдунья. Она знала все травы, которыми лечат болезни, и собирала их при свете луны. По ночам ей часто встречались лесные волшебники-горбуны; они жили на священных холмах. Колдунья с горбунами водила давнюю дружбу.

Однажды горбуны дали старухе громадное яйцо. Тайком принесла она его домой и зарыла глубоко в землю. Некогда из яйца вылупился мальчик. Он был умный, как олень, и проворный, как белка, но очень маленький. Вырос всего на два локтя да таким и остался.

Каждый день старуха ходила с кувшином за водой к городскому колодцу, а Карлик оставался один. И вот он заметил, что старуха, когда собирается уходить, каждый раз что-то прячет в очаге. Карлик захотел узнать, что это такое. Но как сделать, чтобы старуха подольше задержалась у колодца? Подумал он и придумал — просверлил на дне кувшина дырку.

«Теперь матушке долго придётся ждать, пока кувшин наполнится, — сказал он себе. — А я за это время успею перевернуть в очаге всю золу».

И вот едва старуха ушла за водой, Карлик полез в очаг. Разворошил золу, разгрёб холодные угли. Вдруг видит: лежат в уголке три круглых камешка: один камень жёлтый, другой — чёрный, а третий — красный. Он подбросил жёлтый камешек, и тот превратился в маленький золотой колокол. Карлик взял прутик, ударил им по ко-

апокалипсису. И вдруг раздался страшный, грому подобный шум! Он донёсся до самых дальних уголков земли Майяб и пробудоражил всех жителей.

Прибежала испуганная старуха.

— Что ты, несчастный, наделал? — закричала она.

Карлик быстро спрятал в золу маленький золотой колокол.

— Я ничего не делал, — ответил он. — Это в горах закричал ивдюк!

Но люди земли Майяб уже потеряли покой. Они вспомнили древнее пророчество. Один мудрец из Юксмала некогда предсказал:

• Настанет время, и к вам придёт человек. Никто не будет знать, откуда он. Но это для него много веков назад был отлит золотой колокол.

Он сумеет его найти в назначенный час, не раньше, не позже.

И он один будет знать, чем ударить в колокол.

И тогда зазвонит золотой колокол так, что услышит его вся земля Майяб.

И тот человек станет властителем земли Майяб. И он сделает Юксмал самым великим городом земли Майяб. И глаза ваши увидят то, чего никогда не видели».

Так сказал мудрец.

И когда люди услышали золотой гром, они поняли, что пошай властитель явился.

Старый вождь в это время спал в своём большом доме. Он проснулся и задрожал от ужаса.

Он послал своих людей по всем дорогам искать того, кто дотронулся до золотого колокола.

Люди старого вождя пришли наконец в дом колдуньи. Карлик вышел им навстречу с золотым колоколом в руках. И люди вождя повели его в Юксмал.

Старый вождь сидел на высоком троне посреди площади, в тени дерева сейбы. Когда Карлик предстал перед ним, люди, стоявшие вокруг, рассмеялись. Только старый вождь не засмеялся — ему было страшно. И сказал старый вождь Карлику:

— Тот, кто заменит меня на троне, должен быть так же мудр, как я. Скажи мне, сколько плодов на ветвях этой сейбы.

Карлик оглядел ветви большого дерева, покрытые мелкими плодами, и ответил:

— Здесь десять раз по сто тысяч и два раза по шестьдесят. Если ты мне не веришь, влезь на дерево и сам пересчитай плоды.

И тут с ветвей сейбы слетела большая летучая мышь и шепнула старому вождю на ухо:

— Карлик сказал правду.

Старый вождь побледнел и склонил голову. Потом он поднял на Карлика глаза, полные горести и печали.

— Ты вышел с честью из первого испытания, но этого мало. Тебя ждут ещё два испытания.

— Я согласен, — сказал Карлик.

— Тогда уходи и возвращайся завтра, — повелел старый вождь.

— Хорошо, — согласился Карлик. — Но дорога отсюда к моему дому узка и камениста. Я построю дорогу, достойную будущего царя, и по ней приду к тебе завтра.

И Карлик вернулся в хижину старухи матери. Ночью он взял второй, чёрный камушек и бросил его на дорогу. И в один миг вся дорога от Нопата до Юксмала была вымощена плитами чёрного полированного камня. По этой дороге Карлик пришёл утром к старому вождю, а с ним вместе и целая толпа.

— Приступим ко второму испытанию, — сказал старый вождь: он ждал Карлика и не спал всю ночь. — Пусть каждый из нас сделает фигурку по своему образу и подобию и бросит её в огонь. Если огонь пощадит твою фигурку, значит, ты победил, если мою — значит, я останусь вождём.

— Хорошо, — сказал Карлик. — Начнём.

Старый вождь вырезал фигурку из твёрдого дерева. Он бросил её в огонь, и она превратилась в пепел и уголь.

— Если хочешь, сделай другую, — предложил Карлик.

Старый вождь выточил вторую фигурку из блестящего твёрдого камня. Но когда положил её в костёр, она рассыпалась в порошок.

— Позволь мне сделать последнюю фигурку! — попросил старый вождь.

Карлик улыбнулся и согласился.

Старый вождь сделал третью фигурку, на сей раз из золота. Он бросил её в огонь, и она расплавилась, растеклась, словно мягкий воск.

— Воги против меня! — воскликнул старый вождь. — Но из чего ты сделаешь свою фигурку, чтобы огонь пощадил её?

Карлик в ответ улыбнулся и сказал:

— Смотри!

И он принёс мокрой глины, вылепил из неё маленькую фигурку и поставил её на огонь. И чем дольше огонь обжигал фигурку, тем крепче она становилась.

Народ был поражён. И старый вождь тоже. Но человеку, имеющему власть над людьми, не так просто от испугаться. И старый вождь сказал Карлику:

— Мы продолжим испытания, чтобы все поняли, что ты достоин быть властителем Юксмала. Оставайся в городе, переночуй в моём доме, а завтра встретимся снова.

Карлик ответил на это:

— Я останусь в Юксмале, но не в твоём доме. Я построю для себя дворец, и ты его завтра увидишь.

Карлик отошёл на другой край площади, достал свой последний камушек и положил его на землю.

И в тот же миг напротив дома старого вождя появился прекрасный дворец из полированного красного камня.

Утром из ворот дворца вышел Карлик. Он спустился по лестнице на площадь, окружённый воинами, которых раньше в городе не встречали. Они были малы ростом и походили на горбунов со священных холмов.

Старый вождь встревожился. Сердце у него замерло. Однако он овладел собой и сказал Карлику:

— Видишь посреди площади помост? Взойди на него! Сейчас главный судья разобьёт на твоей голове каменным

пестиком целую меру пальмовых орехов — так у нас по-свищают в вожди. Если выйдешь из этого испытания живым и здоровым, я поверю, что ты — новый властитель Юксмала.

Перед всем народом Карлик взобрался на помост, и главный судья разбил на его голове тяжёлым каменным пестиком целую меру пальмовых орехов. Но Карлик во время этого испытания только улыбался. Он не чувствовал ударов! Ибо старуха колдунья надела ему на голову заколдованный, невидимый шлем.

Когда старый вождь увидел, что Карлик жив и здоров, он понял, что его время кончилось. Он сошёл с трона и удалился.

Люди на площади приветствовали Карлика. Они славили нового вождя. Но он сказал им:

— Я не могу царствовать, пока здесь нет дворца для моей старой матери, дворцов для моих воинов, храма для поклонения Огню и большой площади для зрелищ. Завтра вы увидите всё это и ещё многое.

И на рассвете следующего дня город украсился храмами и дворцами, каких доселе никто не видывал.

С тех пор много столетий прошло. Сегодня в Юксмале одни развалины. А в правление вождя Карлика высились храмы и дворцы, как сверкающие горы, и не было на земле Майяб города прекраснее Юксмала.

Воин, победивший солнце

Мистеки жили некогда в широкой и прекрасной долине, среди которой был большой холм из серого камня.

Их царство называлось Тутутепэк, а его главный город — Тилантонго. Их первым царём был сильный и смелый воин.

Однажды он поднялся на вершину холма и крикнул:

— Эй! Пусть тот, кто считает эти земли своими, сразится со мной!

Его клич был услышан на берегах всех рек широкой долины. Его услышали все индейцы Тутутека. Но никто не решился выйти с ним на бой.

В это время солнце поднялось из-за гор. Оно взглянуло на холм и на миг ослепило храброго воина огненными лучами.

И тогда индеец решил, что солнце — его враг. Он натянул свой лук и послал в солнце стрелу. Стрела помчалась, со свистом разрезая воздух.

Индейцы всех племён слышали этот свист, птицы испорхнули с деревьев, перепел скрылся в траве, заяц забился в кустах, койот завыл от страха, а дикий кабан нырнул в дубовые листья.

Долго стоял храбрый воин, готовый бесстрашно сразиться с самим солнцем. Но солнце спокойно продолжало свой путь по небу.

Воин прождал целый день, пока солнце вечером, как всегда, не спряталось за горами. А раз спряталось, он решил, что победил само солнце и стал владыкой всей земли мистеков.

Это был первый царь Тутутека.

С тех пор всех царей мистеков называли победителями солнца.

Кауполикан

Никому ещё не удавалось покорить землю Арауко, никогда ещё чужая нога не ступала по её широким долинам.

Но однажды из-за горы Андаликан появились белолычие люди. Они скакали верхом на конях, — таких зверей прежде здесь не видывали! В их руках сверкало странное оружие. Они владели громом и огнём!

То были испанцы. Их появление вселило великий ужас в сердца людей Арауко.

— Это боги, это боги! — кричали они. — Они приплыли по морю на волшебных кораблях! У них в руках яркие

стрелы, и скачут они верхом на чудовищах, быстрых как ветер! Это боги, это боги!..

Впервые страну Арауко захватили чужеземцы. Страх сокнул арауканцев. Они жили покорные воле белых людей, которые искали в их земле золото и серебро.

Но белые властители были жестоки. Их богатство увеличилось, а вместе с ним росли высокомерие, жадность и подлость.

— Нет, это не боги, это не боги! — сказали тогда арауканцы. — Это злые люди. Они унизили нас! Мы должны укротить их, как диких зверей! Восстанем, братья! Смерть чужеземцам! Пусть ни сердца, ни руки сынов Арауко не знают покоя, пока наша земля не станет свободной!

И разнёсся этот призыв по горам и долинам Арауко. По всем арауканским лесам разбежались гонцы, чтобы поднять народ для великой и грозной войны.

В широкой долине собрались вожди. Пришёл Пайакаби, он привёл две тысячи воинов; за Онголом явилось три тысячи; за Кайокупилом — четыре; Линкойя привёл шесть тысяч; за ним пришли Лемолемо, Тукапел, Колоколо и другие. Не пришёл только могущественный Кауполикии.

Между вождями начался спор — кому же возглавить войско?

— Я привёл больше всех воинов, — сказал Линкойя, — и готов помериться силой с любым из вас.

— Никто не превзойдёт меня в храбрости и в умении владеть оружием, — сказал Пайакаби.

Все вожди говорили о своих доблестях, соперничество разжигало их сердца.

И сказал тогда старый, мудрый Лемолемо:

— Храбрые вожди, оставьте своё оружие: оно ещё пригодится вам для борьбы с врагом. Все вы одинаково смелы, отважны и мудры. Испробуйте же силу ваших рук! Пусть верховным вождём станет тот, кто дольше всех продержит на плечах ствол самого толстого дуба из наших лесов.

Все согласились со старым Лемолемо. А он смотрел на вершины гор в ожидании Кауполикана.

Шесть сильных юношей принесли толстый ствол дуба. Толпа воинов застыла в ожидании.

Первым вышел Пайакаби, молодой и высокий вождь с крепкими мускулами. Он обнял дуб, поднял его на плечи и продержал шесть часов. Кайокупил продержал дуб от полудня до полуночи, а Онгол — от зари и до следующей зари. Пришёл черёд коренастого Линкойя. Он взвалил огромный дуб на плечи и стал с ним ходить по кругу. Дважды луна сменяла солнце, пока дуб наконец скатился с могучих плеч Линкойя.

— Линкойя победил! Отдайте Линкойе топор верховного вождя!

И тут появился Кауполикан. Он пришёл один, без помощников. Это был высокий, сильный, ловкий и быстрый юноша. Все с восхищением смотрели на него.

Он пришёл, когда солнце уже садилось. Вожди устали, и состязания были отложены до утра.

Как только солнце озарило вершины гор, Кауполикан взвалил тяжёлый ствол на свои плечи.

Наступил день, и солнце поднялось в вебе. К вечеру оно скрылось за горами, засверкали в ночи звёзды. Кауполикан бродил по долине со своей ношей, не чувствуя усталости. Опять взошло солнце, и потянулся ещё один долгий день. Во второй раз вышла луна и скрылась, поражённая таким подвигом. Опять забрезжил рассвет. Трижды ночь сменяла день, день — ночь. Наконец, когда солнце было в зените, Кауполикан подпрыгнул и отбросил далеко от себя гигантский дуб.

Воины ликовали.

— Слава Кауполикану! — кричали они.

Старец Лемолемо вложил в руки победителя каменный топор верховного вождя. И тогда арауканцы начали войну с завоевателями под водительством Кауполикана.

Много подвигов он совершил, много выиграл битв. И погиб Кауполикан славной смертью за свободу родной земли.

Легенда о разрушенном городе

Было это давно, в те далёкие времена, когда городом племени майя, городом Уси, правил вождь Ук. Прекрасен был город Уси. По утрам лучи солнца скользили по каменным стенам. В маленьких окнах с прозрачной водой отражался свет нового дня. Итисеес, священная змея, высеченная из камня, лежала у подножия городской стены. А над ней застыла грозная каменная фигура Юм-Кимйла — бога смерти. В его пустых глазницах даже солнечные лучи становились холодными.

В тот ранний час все жители ещё спали в своих домах на разноцветных циновках. Оружие лежало возле воинов — пращи, луки со стрелами, кинжалы из камня или твердого дерева хаби, тростниковые щиты...

Все были погружены в сон. Не спали только смелый воин На-Кан и прекрасная Цую-Наак, дочь вождя Ука. Они встретились в тот день на рассвете на опушке леса.

— Я боюсь, На-Кан, — прошептала девушка. — Если мой отец выследит нас, он прикажет убить тебя, а меня навсегда заключит в темницу.

— Если ты любишь меня, бежим из Уси, и никто никогда нас не разыщет.

— Нет, На-Кан, не бывать этому. Я не пойду против воли отца.

— В чужом племени мы станем мужем и женой...

— Нет, На-Кан, я не покину наш прекрасный Уси.

— В Уси мы не можем быть вместе — твой отец ненавидит меня.

— Мой отец перестанет ненавидеть тебя, если ты принесешь ему драгоценности.

— Я самый храбрый воин племени, я больше всех принесу ему добычи...

— Этого мало. Мой отец требует, чтобы у тебя было золото и драгоценные камни.

Слёзы чуть не брызнули из глаз юноши — слёзы гнева и обиды. На мгновение он задумался и затем воскликнул:

— Ты будешь моей женой, красавица Цую-Наак!

На другой день На-Кан отправился во дворец Ука и предстал перед вождём.

— Могущественный вождь, — сказал ему На-Кан, — я пришёл к тебе с просьбой. Отдай свою дочь мне в жёны. Я умру от горя, если ты не согласишься.

Ук помрачнел, холодно посмотрел на воина и ответил:

— Ты можешь украсить её золотом и драгоценными камнями?

— Нет, но она будет со мной счастлива!

— Неужели ты думаешь, что я отдам мою любимую дочь какому-то нищему воину? У тебя же нет ничего, кроме лука и стрел!

— Мой лук и стрелы увеличили твоё богатство и укрепили твою власть.

Ук встал и в бешенстве крикнул:

— Вон отсюда, пока я не приказал вырвать тебе язык!

На-Кан побледнел от гнева, посмотрел на надменного вождя и, не сказав ни слова, вышел.

Но, переступив порог дворца Ука, он обернулся и угрозил кулаком:

— Старый скупец, ты подавишься моим золотом и драгоценными камнями!

И На-Кан отправился к храму Кстубтуна — бога несметных богатств, обладателя сверкающих сапфиров, алмазов, рубинов и зелёных изумрудов. Весь день и весь вечер он молился богу сокровищ:

— Послушай меня, Кстубтун! Помоги мне в моём несчастье! Поделись со мной своими сокровищами.

Кстубтун, бесчувственный каменный бог, не шелохнулся. На-Кан продолжал:

— Скоро придут жрецы и выгонят меня. Дай мне хоть часть твоих богатств!

Но бог по-прежнему молчал.

Прошло ещё несколько часов, в храм вошли жрецы и попросили На-Кана покинуть святилище:

— Тебе пора уходить. Мы закрываем храм.

— Я молюсь Кстубтуну.

— Придёшь завтра.

— Мне нужно, чтобы он услышал меня сегодня, сейчас.

— О чём же ты его так страстно молишь?

— Я прошу у него золота и драгоценных камней.

Жрецы рассмеялись. Один из них, самый молодой, сказал:

— Кстубтун ничего тебе не даст. К нему приходят только дарить сокровища, а не просить.

И жрецы неумолимого бога, схватив На-Кана за руки, вывели его из храма.

Воин оказался один под сверкающими звёздами. Руки его были пусты, а сердце полно ярости. И всё-таки надежда не покидала его. Он не хотел верить, что Кстубтун отвернулся от него. Он ещё надеялся найти дома то, что ему нужно. Он вошёл в свою хижину, обшарил все углы, но не нашёл ничего.

В отчаянии На-Кан закричал:

— Я заберу у тебя золото силой, раз ты не хочешь отдать мне его по доброй воле!

Он схватил копье с каменным наконечником и побежал как безумный к храму Кстубтуна.

Всю ночь он копал землю под стеной храма и вырыл узкий проход в подвал, где хранились сокровища бога. До рассвета оставалось немного времени. На-Кан отбросил последний камень и пополз по проходу.

Сказочное зрелище открылось его взору. На полу, в нишах стен, в больших ларцах и маленьких шкатулках — повсюду были драгоценные камни, целые груды драгоценных камней. Такое ему никогда и не снилось!

На-Кан начал поспешно наполнять драгоценностями мешок из змеиной кожи. Его руки горстями хватили алмазы и сапфиры, изумруды и рубины. Теперь он станет богаче всех в мире! Теперь уж старый скупец Ук отдаст ему свою дочь, красавицу Цую-Наак.

Мешок был полон. На-Кан пошёл к выходу. И в этот миг ослепительный свет залил всё подземелье. За спиной воина прозвучал гневный голос:

— Ты погиб, На-Кан!

Воин обернулся и натянул лук — он думал, что его преследует один из жрецов Кстубтуна. Но это был не жрец, это был сам Кстубтун.

— Ты проник в мой храм и осквернил его, — сказал он. — Я не знаю жалости. Ты умрёшь, На-Кан.

— Ты жестокий и бессердечный, Кстубтун. Я просил тебя дать мне горсть камней. У тебя их горы, но ты не сжалился надо мной. Ты сам заставил меня прийти сюда ещё раз.

— Уйди же в царство мрака!

— Я убью тебя самого! — воскликнул храбрый На-Кан и настрелил из лука в лицо Кстубтуну.

Вот на лету поймал стрелу, громко расхохотался и метнул её в сторону На-Кана. Стрела пронзительно засвистела и попала в сердце отважного воина. И На-Кан упал.

* * *

Всю ночь несчастная Цюю-Наак не сомкнула глаз. На её лице были следы слёз. И вдруг ослепительный свет озарил её спальню — перед девушкой стоял безжалостный бог Кстубтун.

— Ты повинна в смерти На-Кана, — сказал он. — Из-за тебя На-Кан осквернил мой храм. Умри и ты!

И прекрасная девушка упала замертво к ногам мстительного бога.

— А теперь, — воскликнул Кстубтун, — я сотру с лица земли этот город. Пусть всё здесь погибнет!

Загрохотал гром, здания рухнули, реки вышли из берегов и затопили улицы, с гор посыпались камни, и под ними погибло всё живое.

Гонорят, так был стёрт с лица земли древний город майя, город Уси. Сейчас от него остались одни руины.

У майя столько сказок и старых легенд про жестоких богов и погибшие города!..

Гнездо ласточки

Индийцы племени майя рассказывают, будто в давние времена ласточка, а на их языке — Кусам, была птицей заносчивой и самонадеянной. Она очень гордилась своим раздвоенным хвостом и тем, что летает быстрее всех птиц. Поэтому она не желала вить себе гнезда. И каждый год Кусам подкидывала свои яйца в чужие гнёзда.

Но однажды птицы пожаловались на это своему царю.

— Может быть, она не умеет строить гнездо? — спросил царь птиц. — Почему вы не покажете ей, как это делается? Ласточка — птица умная, она быстро научится.

На другое утро полетели птицы к Кусам. Голубка сказала ей:

— Я научу тебя строить гнездо. Его лучше всего свить из маленьких веточек и выстлать зелёной травой...

— Ах, — прервала её ласточка, — я это и сама знаю.

Голубка обиделась: если Кусам сама знает, как строить гнёзда, почему она пользуется чужими?

— Я могу тебе посоветовать, как сделать гнездо удобным, — обратился к Кусам дрозд. — Возьми мягкий мох...

— Да, да, это я тоже знаю, — сказала ласточка и уперхнула от дрозда на другую ветку.

Потом прилетела птичка колибри и начала объяснить ласточке, как украсить гнездо:

— Ты должна вырвать несколько пёрышек из грудки...

— Ах, как вы мне все надоели! — воскликнула ласточка. — Я прекрасно знаю, как строить гнездо, мне просто не нравится этим заниматься!

И она улетела, чтобы не слушать советов.

Царь птиц узнал обо всём и позвал к себе ласточку.

— Кусам, ты не оценила нашей помощи, — сказал он. — Моё терпение кончилось. И я разрешаю отныне всем птицам выбрасывать твои яйца из своих гнёзд. Если хочешь растить птенцов, построй себе гнездо сама.

Первый раз в жизни Кусам испугалась. Она полетела к голубке просить помощи.

— Я тебе сочувствую, — сказала голубка, — но ведь ты говорила, что знаешь, как строят гнёзда!

Полетела Кусам к дрозду, а потом к колибри — никто не хотел с ней даже разговаривать. Все птицы отказались помочь ей; они не верили, что Кусам всерьёз хочет чему-то учиться.

Опечаленная Кусам отправилась в глубь леса и принялась за работу сама. Долго она работала и наконец построила гнездо. Но когда она положила в него первое яйцо, гнездо развалилось. Кусам не знала, что делать. И тут она услышала, как кто-то зовёт на помощь:

— Спасите меня, спасите!

Кусам посмотрела вниз и увидела под деревом ручеёк, а в нём на листочке маленькую осу.

Ласточка никогда ничего не делала даром.

— Я тебя вытащу из воды, — сказала она осе, — если ты мне покажешь, как строить гнездо.

— Хорошо, — согласилась оса.

Кусам вытащила её из воды и посадила на берег. Оса встряхнулась, расправила свои тоненькие крылышки, обсохла под лучами солнца, а потом сказала:

— Сначала возьми немного глины и прилепи её к склону оврага.

Кусам удивилась — она никогда не слышала, что можно делать гнёзда из глины!

— Потом, — продолжала оса, — принеси пучок травы...

Ласточка начала работать, и в конце концов у неё получилось скромное гнездо над обрывом.

— Ты сделала прелестное гнёздышко, — сказала довольная оса.

— Нет, нет! — воскликнула ласточка. — Оно никуда не годится. Посмотри на эти пучки травы, они торчат отовсюду! Лучше я найду чужое гнездо, достойное меня!

— Ну что ты! — удивилась оса. — Твоё гнездо достойно самой царицы!

Кусам, засвистев от досады, бросилась к своему гнезду, чтобы разрушить его. Но тут она вспомнила слова царя

птиц: «Если ты хочешь растить птенцов, построй себе гнездо сама». И Кусам не тронула своего гнезда.

С тех пор ласточки так и строят себе гнёзда из глины и травы и больше не подбрасывают яиц в чужие гнёзда.

Почему птицы не говорят, а павлин не поёт

Рассказывают индейцы майя, что в давние времена все птицы умели разговаривать. Каждый месяц, как только нарождалась новая луна, они собирались на совет, и среди них начинались бесконечные споры и ссоры из-за того, кому быть царём. Чтобы покончить с этими распрями, великий вождь решил сам назначить царя птиц. Он оповестил всех, что в новолуние делает выбор.

И снова разгорелись страсти!

Птица Ксекрокблче, умевшая хорошо петь, сказала:

— Царствовать должен тот, кто поёт лучше всех. Великий вождь выберет, конечно, меня.

И с ветки дерева сейбы полились звуки её прекрасных песен.

— Великий вождь выберет птицу самую мудрую, — отозвался филин из развалин старого дома. — Править могут только мудрецы. И я стану царём — ведь нет никого умнее и образованнее меня. Это знают все.

Филин замолчал и надулся. Его борода так и колыхалась на груди, а янтарные глаза то открывались, то закрывались. На самом деле филин был не таким уж умным — просто он умел вовремя промолчать.

— Выбор падёт на самого сильного, — возразил горный индюк филину. — Чтобы править, нужна сила. Поэтому я должен быть царём.

Тут он легко переломил ветку, на которой сидел, и перелетел на другую.

— Великий вождь выберет птицу, умеющую летать вы-

не всех. Только с высоты можно оглядеть сразу всё птичье царство, — сказал ястреб.

Сказал — и взвился высоко в небо.

— Нет уж, царём будет тот, кто кричит громче всех! — воскликнула Чачалака. — Только криком можно заставить слушаться непокорных!

И она закричала так пронзительно, что все заткнули уши.

— Царём буду я, — сказала птица Кардинал. — Цари оденутся в пурпур. А цвет моего наряда подобен пламени!

Все птицы хвастали наперебой.

Один лишь павлин молчал.

•Мне не стать царём птиц, — думал он с грустью. — Собой я хорош, да вот перья грязные, серые, неказистые... Если бы одолжить у кого-нибудь красивые перья!»

И тут вспомнил он про птицу Пукуи, свою приятельницу. Её оперение было великолепным, но в цари она не годилась — очень уж была неуклюжая и доверчивая. Полетел к ней павлин и сказал:

— Слушай, Пукуи, великий вождь сделает царём самую красивую птицу. Ты мала ростом, вид у тебя слишком скромный, но перья твои прекрасны. У меня же всё удалось — оперение бедновато. Я не могу отдать тебе свой рост и походку, а ты можешь одолжить мне свои перья. Как только стану царём, я тебе их верну. И поделюсь с тобой всеми почестями и богатствами, какие выпадут на мою долю.

Птица Пукуи подумала немного и согласилась выполнить просьбу павлина.

Нарядился павлин в чужие перья и ушёл.

Бедная Пукуи осталась почти совсем голая. Она дрожала от стыда и от холода и, как только замечала других птиц, пряталась в траве...

И вот настало новолуние, и великий вождь явился на собрание птиц. Когда птицы увидели, каким прекрасным и величественным стал павлин, они сами попросили, чтобы он правил ими. Великий вождь их просьбу выполнил и назначил павлина царём птиц.

Став царём, павлин сразу забыл о Пукуи. А она, стараясь скрыть свою наготу, всё время избегала других птиц.

— Что с тобой? — спросили они её однажды. — Почему ты от нас прячешься?

— А вы поглядите на меня, — ответила Пукуи. — Вы видите, какой я стала уродливой? Попугай сверкает, как зелёная листва; цапля бела, как облако; у колибри на груди и на горлышке все цвета заходящего солнца, а Кардинал прекрасен, как роза... Одна я так безобразна, что не могу нигде показаться...

Птицы пожалели Пукуи, и каждая дала ей по перу из своего наряда. Они покрыли её с головы до ног яркими и красивыми перьями — синими, зелёными, золотистыми, белыми и пурпурными. Пукуи так расцветилась, что стала похожа на радугу. Нигде — ни на земле, ни в небе — не было теперь более красивой птицы.

— Но куда же делись твои собственные перья? — спросила вдруг Чачалака.

И Пукуи рассказала птицам, как она отдала свои перья павлину.

Что тут началось!

— Павлин — негодяй! Павлин — обманщик! — кричали птицы.

— Царём надо было избрать меня! — гоготал горный индюк.

— Нет, меня! — пищал Кардинал.

— Меня и только меня! — басил ястреб.

И птицы начали налетать друг на друга, бить друг друга клювами, царапать когтями... Голоса их становились всё громче, и, конечно, громче всех был голос Чачалаки.

Великий вождь восседал высоко в небесах на золотом троне. Он услышал эти крики, нахмурился и спросил:

— Разве я дал птицам речь для того, чтобы они спорили и кричали?

Но спор птиц разгорался всё сильнее и сильнее. Тогда разгневался вождь.

— Вы больше никогда не будете говорить! — крикнул он. — Вы недостойны великого дара речи.

И тут же воздух наполнился криками, писком и карканьем, так что ничего нельзя было разобрать.

— А тебя. — обратился великий вождь к павлину, — и тоже за обман покараю. Ты больше не будешь петь! Ты будешь только противно кричать.

Что же до птицы Пукуи, ей стыдно стало носить чужие перья. Поэтому встретить её можно только по вечерам. Она всё ещё надеется, что павлин возвратит ей её оперение. И бродит по дорогам в поисках неверного друга, а когда увидит человека, подбегает к нему и спрашивает, не встречал ли он где лавлина...

Свадьба колибри

Не всегда колибри была самой красивой маленькой птичкой в лесах Америки. В давние времена, говорят индейцы племени майя, была она серенькой и неказистой.

Однажды решила колибри выйти замуж и начала вить себе гнездо. Выбрала место на ветке над самым озером, собрала сухих веточек, листиков и начала строить. Но гнездо получилось бедное, некрасивое. Колибри огорчилась и расплакалась. Пролетал мимо соловей, увидел плачущую колибри, сел к ней на ветку и спрашивает:

— Почему ты плачешь?

— Я плачу потому, что нет у меня ни нарядных перьев, ни богатого приданого. Вот и хотела я к свадьбе хоть гнездышко уютное построить. Но ничего у меня не вышло.

Соловей задумался: «Как ей помочь?». Думал, думал и вдруг воскликнул:

— Придумал! Я же умею хорошо петь. Я пою так, что все прилетают послушать меня. Я попробую созвать друзей, и мы тебе поможем.

Так и получилось: не успел соловей закончить первую песню, как со всех сторон слетелись к озеру птицы, пчёлы и бабочки, прибежали разные звери. Когда соловей увидел, что собрались все его друзья, он запел новую песню:

— Хочет колибри
Отпраздновать свадьбу,
Но нет у неё ожерелья,
Нет платья, нет башмаков,
Нет гребешка, нет зеркала,
Нет сладостей, нет цветов.

И тогда каждый преподнёс колибри подарок.
Куропатка сказала:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю ожерелье, —

и вырвала из груди золотые пёрышки.

Паук сказал:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю свадебное платье, —

и соткал из паутины тонкую и красивую ткань.

Олень сказал:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю башмачки, —

и дал тонкую мягкую кожу, из которой колибри сшили башмачки.

Ящерица сказала:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю гребешок, —

и оторвала свой хвостик, покрытый тонкими острыми зубчиками.

Лесное озеро сказало:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю зеркало, —

и стало блестящим и гладким, так что в нём отразились и небо и солнце.

Пчела сказала:

— Пусть празднует свадьбу!
Я дарю сладости, —

и полетела в улей за мёдом.

Дерево Бакалече сказало:

— Пусть празднует свадьбу!
И дарю невесте цветы, —

и сбросило с себя прекрасные белые цветы.

Колибри получила ещё много разных подарков и весело отпраздновала свадьбу.

С тех пор все птички колибри — самые яркие, красивые и весёлые. Они летают от цветка к цветку и пьют нектар. И очень любят кружиться над лесными озёрами, чтобы поглядеть на своё отражение.

Цветок луны

В давние времена в плодородной долине жило могущественное племя мискито. Вождь племени был великим воином и охотником. Он смело отражал натиск кочевых племён и не боялся встретить в лесу свирепую пуму с острыми клыками.

Однажды ночью вождя разбудил плач ребёнка. Он прислушался, потом встал и вышел из хижины посмотреть, что случилось. В нескольких шагах от себя он увидел плачущую девочку. Вождь ласково заговорил с ней, и девочка перестала плакать. Она была из дальних мест — она говорила на другом языке, — наверно, заблудилась в лесу. Великий воин пожалел её и взял к себе в хижину.

Шло время, но никто так и не знал, откуда явилась эта девочка. Вождь, у которого было шесть сыновей, полюбил её, как свою дочь.

Девочка выросла, стала прекрасной девушкой, ласковой и умной. И вот старший сын вождя сказал отцу, что хочет на ней жениться.

Но случилось так, что все пять его братьев тоже захотели жениться на этой девушке. Тогда вождь сказал сыновьям:

- Пусть девушка сама сделает выбор.
- Мы согласны, отец, — ответили сыновья.

Когда девушка узнала, что ей надо выбрать одного из братьев, она очень смутилась. Она не знала, как ей поступить.

Девушка склонилась перед вождём.

— Отец мой, — сказала она, — вы все столько сделали для меня! Я чувствую себя неблагодарной. Прости меня, отец мой.

Великий воин не знал, как понимать эти слова. Ему было легче встречать опасности с луком в руках, чем вести такие разговоры. Он ответил девушке:

— Встань, ты ни в чём перед нами не виновата. Скажи мне, кого ты выбираешь себе в мужа?

— Дай мне время подумать, — попросила девушка. — Для меня все твои сыновья равны, и я не знаю, кого из них выбрать.

— Хорошо, — сказал вождь, — я даю тебе неделю сроку.

Но и к концу недели девушка не могла решить, кто из сыновей вождя ей больше нравится.

Когда братья узнали, что она не может сделать выбор, они условились решить всё по-своему.

Они сказали отцу, что идут на охоту, а сами собрались в лесу, чтобы поговорить.

Они ушли далеко от селения и были уверены, что никто не подслушает их разговор.

Старший брат сказал:

— Срок прошёл, а она ни на что не решилась. Как же нам поступить?

Братья задумались.

— Пусть она станет женой самого сильного и храброго из нас. — сказал младший брат.

— Хорошо, — согласились братья. — Но как мы узнаем, кто из нас самый сильный и храбрый?

— Давайте бороться, — предложил младший брат. — Кто победит, тот и женится на девушке.

Все согласились — каждый чувствовал в себе достаточно сил, чтобы выйти победителем. Братья договорились, когда и где они встретятся, и разбрелись по лесу.

Однако случилось то, чего братья не могли предвидеть. После ухода сыновей вождь захотел поохотиться. Недолго думая он отправился вслед за сыновьями. Он хорошо различал следы людей и животных и быстро догнал братьев. Вождь сразу понял, что они от него что-то скрывают.

Он бесшумно приблизился к ним и услышал весь разговор. Тогда он вернулся в селение, разыскал колдуна и рассказал ему обо всём.

— Посоветуй, что мне делать, — закончил он. — Я не хочу, чтобы мои сыновья боролись друг с другом. Я боюсь, что они рассорятся из-за девушки.

— Можно избежать этого, — ответил колдун. — Сделай так, чтобы девушка умерла. Ты её любишь, и твои сыновья тоже. Но подумай, сколько горя она может принести в твой дом своей красотой!

Колдун умолк. Тяжело было вождю слышать такие слова, но всё равно он не хотел следовать жестокому совету. Однако колдун стоял на своём.

— Другого пути нет, — сказал он. — Жизнь твоих сыновей в твоих руках. А девушка тебе даже не дочь, хотя ты обращаешься с ней, как с дочерью.

Вождь долго молчал. Потом он встал и пошёл к своей хижине. Он думал всю ночь. Он так любил девушку, что не решался исполнить совет колдуна. Но что было делать? Наступил день, и вождь снова отправился к колдуну.

— Я не могу убить эту девушку, — сказал он. — Я отведу её в лес...

— В лесу её растерзают дикие звери. Может случиться, что твои сыновья найдут её. Как только они хватятся девушки, они бросятся её искать.

Вождь подумал и решил, что колдун прав.

В тот же вечер два воина по приказу вождя увели девушку в лес, чтобы там убить. Девушка поняла, что её ждёт смерть. От страха она потеряла сознание. Тогда воины ушли, не тронув её и пальцем.

Была уже ночь, когда сыновья вождя узнали, что девушка исчезла. Они бросились её искать. Они обшарили всё селение, но девушки нигде не было.

— Пойдём к колдуну, — решил старший брат, — он нам скажет, где она.

Колдун ответил сыновьям вождя:

— Я не видел её и не знаю, где она. Чтобы узнать это, я должен пропеть заклинания.

Он начал произносить какие-то странные слова и делать странные движения. Наконец он сказал:

— Под покровом тайны пришла она к нам и под покровом тайны покинула нас. Не пытайтесь искать её. Это бесполезно.

Тьма ночи, торжественный вид колдуна, его заклинания — всё это испугало юношей. Грустные, покинули они его хижину. Но новый день вдохнул в их сердца новые надежды, и они решили идти в лес на поиски девушки.

А девушка ещё той же ночью очнулась одна в лесу. Светила луна. Вокруг стеной стояли высокие деревья. Девушка встала и пошла, сама не зная куда, в кровь раздиря себе руки и ноги о колючие кусты. Вдруг она застыла от ужаса, и зрачки её расширились. Чёрная тень преградила ей путь — то был ягуар.

И в тот же миг девушка услышала голос:

— Не бойся, я тебе помогу.

Девушка оглянулась, но никого не увидела.

Голос прозвучал опять:

— Иди ко мне, я тебя спасу от ягуара и залечу твои раны.

Тут она увидела, что цветок рядом с ней распустил лепестки и словно манит к себе. И в тот же миг девушка почувствовала, что уменьшается. Она сделалась такой маленькой, что легко спряталась в чашечке цветка.

И сразу же утихла боль от ран, только зрачки у девушки остались широко раскрытыми.

— Я тебе так благодарна! — сказала она чудесному цветку. — Если бы я могла подарить тебе что-нибудь! Но у меня нет ничего, только я сама. Я останусь с тобой навсегда.

И одна она произнесла эти слова, как слилась с цветком и заснула глубоким сном.

Так появился на свет цветок луны, или красавки. Её сок расширяет зрачки и утоляет боль, а настой из высушенных лепестков усыпляет.

Наутро все шестеро братьев пришли по следам дедушки к новому цветку. Навстречу им нежный цветок распустил свои лепестки, и тут же все шесть юношей превратились в шесть мотыльков и закружили над цветком. Они и сейчас часто кружат над цветком луны, не решаясь, однако, к нему приблизиться, так как аромат красавки для мотыльков смертельно опасен.

Лисёнок и шакал

Рассказывают индейцы племени нахоа, что жил когда-то лиса и был у неё сын. Жили они в глубокой норе.

Однажды под утро мать сказала сыну:

— Когда-нибудь ты пойдёшь гулять один. Это очень опасно. Не попадайся на глаза зверю, которого зовут шакал. Он убивает и пожирает всех, кто слабей его. Он очень злой и может разорвать тебя на куски.

— А какой он, этот шакал?

— Ах, сын мой!.. Он серый, противный, с большой пастью. Не успеешь ты его увидеть, как он тебя съест.

— Как это он меня съест?

— Он тебя загрызёт, и мы никогда больше не увидим тебя. Слушайся меня! Как встретишь шакала — беги от него подальше!

— Хорошо, мама, теперь я знаю, что делать, когда встречу шакала, — сказал лисёнок. — Позволь мне пойти завтра погулять.

— Нет, ты ещё мал, чтобы гулять одному.

Едва рассвело, лисёнок опять начал приставать матери:

— Мама, если я пойду гулять один и если я встречу шакала, что я должен делать? Должен я с ним поздороваться?

— Конечно, нет. Я тебе уже говорила, что ты должен удира́ть от него со всех ног.

— Хорошо, мама.

Лиса повернулась на другой бок, а лисёнок тайком от неё вышел из норы и пошёл гулять. Шёл он осторожно, всё время испуганно оглядывался, вздрагивал при каждом шорохе. Всё ему казалось, что вот-вот появится шакал, что он уже слышит его шаги. И вдруг лисёнок увидел на высокой скале, поросшей кустарником, шакала. Это был тот самый шакал, о котором рассказывала мама. Лисёнок со всех ног бросился к дому. Прибежал он домой и говорит матери:

— Мама, я его видел. Этого, как он называется?..

— Кого ты видел? Расскажи мне.

— Этого зверя!

— Какого?

— Ну, того, который... серый... Я со страха забыл, как его зовут.

— Может быть, шакала?

— Да, да, шакала.

— Слава богу, что он тебе ничего не сделал.

— Он меня не видел. А я понял, что это он, и бросился бежать.

— Сколько раз я говорила, что тебе ещё рано выходить одному. Ведь когда-нибудь ты не вернёшься живым.

— Мама, но ведь в норе скучно. Если я выйду, то не пойду далеко. Погуляю рядом с норой.

На другой день лисёнок опять отправился на прогулку. Он шёл и дрожал от страха, как и в первый раз. Ему опять казалось, что вот-вот рядом появится шакал. Вскоре он услышал шум падающих камней. Он вздрогнул и оглянулся. И увидел вчерашнего шакала, который стоял под деревцом. Шакал доедал остатки горного индюка. Лисёнка он не увидел, а если бы и увидел, то не тронул бы, потому что был сыт.

Лисёнок не знал, что ему делать. Он стоял и глядел на шакала как замороженный. Ноги его словно приросли к земле. Но постепенно страх прошёл, лисёнок успокоился

и медленно двинулся к шакалу. Подойдя совсем близко, он спросил:

— Милый шакал, что ты здесь подделываешь?

Шакал обернулся. Лисёнку он очень понравился вблизи, и лисёнок подумал: «Хорошо бы нам подружиться. Этот шакал очень симпатичный. А мама ещё говорила, что он меня съест. Это неправда. Лучше я побеседую с ним».

Лисёнок сделал ещё шаг и спросил:

— Как живёшь, милый шакал?

— А как ты живёшь, лисёнок?

— Зачем ты забрался сюда?

— Хочу отдохнуть в тени этого дерева.

— Я теперь вижу, что моя мама напрасно говорила о тебе так плохо.

— А что она обо мне говорила? — спросил шакал.

— Она говорила, что ты очень злой, что ты разорвёшь меня на куски и чтобы я не смел к тебе приближаться.

— Твоя мама меня совсем не знает. Почему же она так плохо говорит обо мне?! С такими малышами, как ты, я очень добр. Я даже могу тебе доказать мою доброту. Хочешь, пойдём со мной охотиться? Ты будешь стрелять в мух.

— У меня нет ружья, — сказал лисёнок.

— Я тебе одолжу своё, — пообещал шакал. — Пойдём?

Лисёнок согласился, и они пошли. Шли они, шли, лисёнок говорит шакалу:

— Давай постреляем на пробу!

— Что ж, постреляй! — отвечает шакал. — Вот тебе ружьё.

— Может, ты будешь моей мишенью, чтобы я испробовал свою меткость?

— Стреляй во что хочешь, только не в меня. Я же светлый, а метиться удобно во что-нибудь тёмное.

— Видишь муху на хвосте вон того вола? — Лисёнок показал куда-то вдаль.

— Вижу, — ответил шакал, хотя ничего не видел. — Наведи на муху ружьё, прицелься и стреляй.

Лисёнок поднял ружьё, выстрелил и закричал:

— Я ей в лапу попал! Беги за мной, шакал!

И побежал. А шакал за ним. Бежали они, бежали и наконец увидели вола, который спокойно пасся на лужайке.

— Вол, а вол, — спрашивает лисёнок, — ты не видел здесь большую чёрную муху?

— Как это не видел, — отвечает вол, — да я не только её видел, я даже слышал, как она кричала, что ей лапу прострелили.

Шакал услышал это и очень испугался. Он посмотрел как-то странно на лисёнка и сказал:

— Дай мне ружьё, и пойдём отсюда.

— А зачем? — спрашивает его лисёнок. — А зачем уходить? Давай лучше здесь останемся! Ой, смотри, на тебя муха села! Стой смирно, я сейчас её пристрелю!..

Лисёнок поднял ружьё, прицелился. Но шакал бросился наутёк. Отбежал он подальше и закричал издалека, весь дрожа от страха:

— Подожди, я тебя прошу, подожди стрелять! Я совсем позабыл, что оставил дома большой кусок мяса и не запер дверь. Подожди меня здесь, я скоро вернусь...

Шакал прибежал к себе домой и заперся. С тех пор он старается с лисами не водиться.

Любовь матери

Однажды лиса долго охотилась и даже не заметила, как зашло солнце. Она далеко убежала от своего лисёнка, а когда вернулась к норе, его там не было. Расплакалась лиса. Плакала она, плакала, но слезами горю не поможешь. И пошла она бродить по лесу, искать лисёнка. Каждому зверю, который встречался ей, она задавала один и тот же вопрос:

— Скажи мне, братец, не встречал ты сына моего, лисёнка?

Волк отвистил ей:

— Нет, сестрица лиса, не встречал.

Кабан ответил:

— Нет, сестрица лиса, не встречал я твоего сынка.

Спрашивала лиса и оленя, и дику собаку, и броненосца, и ягуара, и многих других зверей.

Наконец увидела она койота. Спросила и его:

— Братец койот, не встречал ты, случайно, сынка моего, лисёнка?

Койот наострил уши и говорит:

— А каков он собой, твой сынок?

— Ах, сынок мой такой весь чистенький, носик у него остренький, глазки кругленькие, шёрстка шёлковая, а хвост пушистый...

— Нет, такого я не видел, — прервал лису койот. — А попался мне сейчас навстречу такой жалкий: глаза у него гноятся, уши висят, морда грязная, хвост облезлый. Весь какой-то чесоточный и худой-худой, еле на ногах держится...

— Ой-ой! — закричала лиса. — Это же мой сынок!

— Как — твой? Но ведь ты говорила, что твой сынок красавец!

— Ах, братец койот! — воскликнула лиса, всхлипывая. — Неужели ты не знаешь, что для матери её сын красивее всех на свете?!

Закон сельвы

Звери были в тревоге. До них дошёл слух, что в сельве, в тропическом жарком лесу, появилось Новое Существо. Никто не знал ни его имени, ни его повадок. С тех пор как в сельве выросли деревья, звери многое узнали друг о друге: высоту прыжка ягуара, коварство пумы, силу когтей ястреба. Они уже знали, кто из них сильнее, кто слабей, знали, от кого и как защищаться. Но о Новом Существо они не знали ничего. Звери бродили по лесу сумрачные и молчаливые. Они боязливо оглядывались.

А Новое Существо спокойно расхаживало по земле.

Оно с любопытством осматривало незнакомый мир. Его одинаково привлекала спокойная гладь озёр и бурное течение горных рек, просторные равнины и лесные дебри.

Однажды Новое Существо услышало голос, звавший на помощь:

— Спасите меня, спасите меня!

Новое Существо побежало на крик. Горел лес. Раздуваемые ветром языки пламени взлетали всё выше. Огромная змея корчилась от боли в кольце горящих деревьев. Она не могла вырваться из огненного круга. В одно мгновение Новое Существо поднялось на вершину соседнего дерева и спустило змее длинную ветку. Змея выбралась из огня и сказала своему избавителю:

— Ты спас мне жизнь. Но знаешь ли ты закон сельвы? Новое Существо покачало головой.

Тогда змея приблизилась к нему, обернулась вокруг его тела и сказала:

— Злом платить за добро — вот закон сельвы! Поэтому ты должен умереть.

И змея стала душить его. Она была рада случаю покончить с Новым Существом, которое наводило ужас на обитателей сельвы.

Тогда Новое Существо сказало:

— Я не могу поверить твоим словам. Подожди убивать меня. Освободи мне ноги. Мы пойдём вместе, и пусть кто-нибудь разрешит наш спор.

Змея освободила ему ноги, но не ослабила хватки вокруг рук и тела. Так они шли, пока не встретили ручей. Змея спросила у ручья:

— Многие приходят к твоим берегам. Слышал ты когда-нибудь, чтобы за добро платили добром?

Ручей вздохнул. И деревья, растущие по его берегам, тоже вздохнули.

— Не знаю, — ответил наконец ручей. — Может быть, где-нибудь и поступают так. Но, к несчастью, в нашей сельве за добро платят злом. В жаркие дни я многих пою прозрачной водой. А в благодарность за это все моют в моих водах пыльные ноги и безжалостно топчут меня.

Змея ехидно посмотрела на Новое Существо:

— Ты слышал, что сказал ручей?

— Да, но его ответ не убедил меня. Конечно, есть существа безжалостные. Но неужели все звери приходят и мутят воду ручья со зла?

Ручей промолчал, а змея ещё крепче обвила Новое Существо своими кольцами.

— Пошли, — сказала она, — я дам тебе ещё одно доказательство. Найдём другого обитателя сельвы, и ты убедишься, что наш закон против тебя.

Ничего не ответило на это Новое Существо. Оно продолжало спокойно идти. Оно было убеждено в своей правоте.

Шли они, шли, и вдруг змея увидела пальму, в стволе которой зияли глубокие раны.

Змея сказала:

— Давай спросим у пальмы, правда ли, что за добро платят злом.

Выслушала их пальма и ответила печально:

— Мне стыдно говорить, но это правда. За добро в сельве всегда платят злом.

Новое Существо было поражено жестокостью этого мира, полного всяких чудес.

— Я не лгу вам, — продолжала пальма. — Я могу рассказать о себе. Я отдавала мои плоды и мою прохладную тень всем, кто проходил мимо. А когда на моих ветвях не осталось кокосов, с меня содрали кору и высосали сок, текущий в моих жилах. Посмотрите на мои раны: я гибну из-за неблагодарности тех, кому я делала добро.

Новое Существо и змея отошли от плачущей пальмы и продолжали путь в глубоком молчании.

— Дай мне ещё одно доказательство, — попросило Новое Существо.

— Хорошо, но это доказательство будет последним, — ответила змея.

Тем временем весть о споре змеи с Новым Существом облетела сельву. Звери не любили змею, однако на этот раз они готовы были помочь ей. Они встали на сторону змеи в этом споре.

Новое Существо при виде чужих страданий забыло о своей близкой смерти и наклонилось над собакой:

— Скажи мне, чем помочь тебе? Ты так жалобно стонешь!..

— Никто не поможет мне, — ответила собака. — Я сделала добро, а мне за это отплатили злом. Таков закон сельвы.

Змея обрадовалась и спросила:

— Расскажи-ка нам, что с тобой случилось?

— Шла я по лесу, — начала свой рассказ собака, — и встретила раненую пуму. Она не могла шевельнуть лапой из-за страшной боли. Я подошла к ней, осмотрела рану и сказала: «Не бойся, я тебя вылечу. Я знаю травы, которые заглушают боль и останавливают кровь». Несколько дней я лечила пуму и вылечила её. Но как только пума почувствовала себя здоровой, она бросилась на меня. Она хотела разорвать меня на части. Она сказала, что таков закон сельвы.

Тут змея не выдержала и сказала своему спутнику:

— Теперь тебе ясно, кто из нас прав?

— Да, я вижу, что ты права, — ответило Новое Су-

спаружи, и пума мне её чуть не отгрызла. И вот теперь я лечу свою лапу, засунув её в бутылку с молоком. Есть много средств вылечить раненую лапу, но лучше всего помогает молоко.

Змея услышала, что в мешке спрятана бутылка с молоком, и у неё загорелись глаза — молоко было её любимым лакомством. Змея оставила Новое Существо, бросилась к мешку и заползла внутрь.

Только этого и ждала собака. Она быстро завязала мешок и стала колотить по нему палкой, пока змея не подохла.

С тех пор Новое Существо — а это был Человек — дружит с собакой. И дружбу их не может разрушить даже время.

Вершина горы Ауян

Идейцы племени арекуна рассказывают, будто много сотен лет назад на берегу реки Карво у священной горы Ауян стоял город. Это был большой город, и назывался он Тей Купай. Из самых дальних мест приходили в Тей Купай больные люди. Они приходили, чтобы молиться у подножия священной горы, надеясь, что тогда к ним вернется здоровье.

Тей Купай стоял так близко к горе Ауян, что жители города в хорошую погоду видели две трещины на её вершине. Но когда начиналась буря, они боялись на неё смотреть, опасаясь гнева своих богов. Только увечные и больные даже в бурю не сводили глаз с вершины горы. Оттуда всегда дули свежие ветры, они ободряли даже самых больных людей и смягчали боль самых страшных ран.

И вот как-то вечером в жаркий спокойный день по реке приплыло много лодок каноэ. В них сидели больные мужчины и женщины из дальних селений. Вместе с ними приплыли и те, кто помогал больным в далёком и трудном плавании.

Все обитатели Тей Купай вышли встречать караван. Они обрадовались, что приплыло столько новых людей, и

ни следующий день устроили в честь гостей большой праздник.

Охотники принесли из лесу много оленей и пекари. Мисо поджарили на костре посреди главной площади. Сложили рядом целые горы бананов и ананасов. И отдельно поставили кувшины с вином. Вино было старое, оно пьянило людей и отбивало у них память.

Все индейцы собрались на площади. Они были одеты в праздничные наряды из пальмовых листьев. Люди ели, пили и веселились. Без перерыва звучали дудки и барабаны. Все плясали и громко пели. Так они веселились долгое время, и то и дело кто-нибудь подходил к кувшинам и большими глотками пил вино.

А в лодках лежали увечные и больные. Все их оставили, все ушли веселиться. Стоны и мольбы доносились из лодок:

— Братья! Придите сюда! Помогите нам добраться до подножия священной горы. Пусть исцелит нас дыхание чудесной горы Ауйян. Иначе мы умрём...

Но никто не слышал их стонов. Все забыли про своих больных собратьев. Праздник продолжался с пением и плясками. Снова и снова наполнялись чаши вином. А солнце уже зашло за вершину Ауйян. Но не прекращалось веселье, и громкие крики гостей и хозяев заглушали стоны немощных больных.

И на следующий день шумел праздник. Все опять веселились на площади. Никто не думал о тех, кто остался в лодках.

Но вдруг солнце скрылось среди чёрных туч. Вершину горы Ауйян заволокло мглой. Страшная молния пронзила небо. Гром заставил содрогнуться землю. Стремительно налетела буря, подул яростный ветер. В мгновение гроза пронеслась над вершиной священной горы и затем обрушилась на город.

Зашатались дома под напором ливня и ветра. Перепуганные индейцы бросились в разные стороны.

Огромные деревья вырывало с корнем. В страхе бежали звери на равнину, подальше от жилья человека. Ягуары

и олени, койоты и тапиры, змеи и пекари — все бежали. Большие птицы взмахами огромных крыльев пытались преодолеть напор ветра.

Но пот рёв бури, крики людей и вой зверей слились в один поплъ. И тогда грянул гром! Вся долина Тей Купай подожала. Ураган поднял ввысь дома и деревья. Слово перья, взлетали в воздух люди и звери. Ветром сорвало и повертело крыши. Только гора Ауэян стояла твёрдо и недвижимо.

Ураган набросился на могучие скалы. Но ярость его оказалась бессильной перед горной твердыней. И когда буря достигла священной вершины, свирепый порыв её выдохся и ослаб. Всё, что поднял с земли ураган, спустилось спокойно на гребне горы Ауэян.

На другой день снова взошло солнце и осветило вершину Ауэян. Оглядело солнце гору и удивилось. Раньше склон её был чистым и ровным, а теперь он украсился причудливыми рисунками. На нём словно отпечатались и ветви деревьев, и фигуры воинов, и лица прекрасных женщин. Тут и там встречались силуэты хищных зверей с раскрытой пастью и птиц на распластанных крыльях, а под самой пропастью громоздились дома, башни, храмы с обломками статуй...

Так гора Ауэян взяла к себе остатки целого города. Превращённые в камень, они навеки остались на её склоне в память о большом городе Тей Купай, в память о жестокосердии её жителей, забывших больных и страждущих, в память о гневе богов.

Пастух и дочь солнца

На зелёном лугу у подножия снежной горы пас своё стадо молодой пастух Акойя-Напа из племени кочуа. Он был и хорош собой и умён.

Бродил пастух за своим стадом, а когда отдыхал, играл на флейте. Акойя-Напа играл так сладко и весело, что всё кругом радовалось.

Однажды, когда он играл на флейте, подошли к нему две дочери солнца. В те времена индейцы отдавали солнцу самых красивых своих девушек. Как только они стали дочерьми солнца, им запрещалось видаться и разговаривать с обычными людьми. И лишь главная жрица племени могла встречаться и беседовать с ними. А простым людям за это грозила смерть.

Днём дочерям солнца разрешалось выходить из дворца, но к вечеру они должны были возвращаться.

И вот подошли дочери солнца к молодому пастуху и затеяли с ним разговор. Акойя-Напа тут же догадался, кто они такие, и в страхе перед гневом солнца упал перед ними на колени. Но девушки успокоили его и сказали, что ему ничего не грозит. Тогда Акойя-Напа поднялся с земли и поцеловал им руки. Красота девушек пленила его, особенно старшей, которую звали Чукильянта. Это она первая заговорила с пастухом, потому что он ей очень понравился.

Поговорили девушки с красивым юношей и распрощались. Всю дорогу домой Чукильянта восхищалась красотой молодого пастуха. Умолкла она лишь тогда, когда они приблизились к воротам дворца, где день и ночь стояла несусыпная стража.

В этот вечер Чукильянта не стала ужинать со всеми вместе, а сразу ушла к себе. Ей хотелось подумать в одиночестве о молодом пастухе.

Между тем Акойя-Напа в своём шалаше вспомнил красавицу Чукильянту, и грусть вошла в его сердце. Вынул Акойя-Напа флейту и начал играть. Так печально звучала его флейта, что даже камни вокруг заплакали. А потом запел грустную песню.

Эту песню услышала его старая мать. Жалко ей стало сына, и решила она ему помочь. Прихватив свой заветный посох, пошла она к шалашу, в котором спал Акойя-Напа. А посох этот был волшебный: он мог сделать человека маленьким-маленьким, словно мансовое зёрнышко.

Вот пришла она к сыну и сказала:

— Я помогу твоему горю, только подожди немного.

И стала тут же варить настой из крапивы: индейцы всегда так делают, когда в их дом приходит горе.

Только сварилась крапива, как увидела старушка поблизи шалаша дочерей солнца. Она тут же дотронулась до сына волшебным посохом и, когда он превратился в манное зёрнышко, спрятала его внутри посоха.

Дочери солнца остановились у входа в шалаш и присели отдохнуть. Увидели в шалаше старушку и попросили у неё наняться. Мать Акойя-Напы дала им настой из варёной крапивы. Ох и горьким он показался Чукильянта!

Посидели девушки, отдохнули и уж в обратный путь собрались, как вдруг Чукильянта увидела в углу посох.

— Чей это посох? — спросила она у старушки.

— Он достался мне в наследство от моих родителей, — ответила та. — Я вижу, он тебе нравится. Если хочешь, возьми его с собой во дворец.

Прощались дочери солнца с матерью Акойя-Напы и отправились во дворец. Чукильянта держала посох в руках и любовалась им, хотя глаза её были полны слёз, — ведь ей так и не удалось повидать прекрасного юношу!

И вот подошли они к воротам дворца. Стражники спокойно пропустили их. И опять не стала Чукильянта ужинать со всеми, а сразу направилась в свои покои. Бросилась она на постель и горько заплакала. Но едва полились её слёзы, как случилось чудо. Из посоха выскочил Акойя-Напа! Сначала испугалась Чукильянта, а потом снова заплакала, но уже от радости.

Она спросила у молодого пастуха, как же он очутился в её покоях. И Акойя-Напа рассказал ей всё: и про волшебный посох, и про свою добрую мать. Много нежных слов сказал Акойя-Напа в эту ночь Чукильянте.

На рассвете пастух опять спрятался в волшебный посох. И не успело солнце встать прямо над головой, как Чукильянта ушла с посохом в горы. Там Акойя-Напа снова вышел из посоха. Да только не радость и не счастье ожидали влюблённых...

Не знали они, что один из стражников тайком вышел

вслед за Чукильянтой из дворца и преследовал их шаг за шагом. Увидев стражника, влюблённые бросились бежать. Долго бежали они, наконец устали и прилегли и тогда отдохнуть да нечаянно заснули.

А когда проснулись и вспомнили всё, страх скопал им сердце. Поднялись Чукильянта и Акойя-Напа с земли, встали рядом, а идти не могут. И слышат — близка погоня, вот-вот покажутся стражники из дворца солнца и схватят их. Слышат, а бежать не могут — ноги словно к земле приросли.

Так и застыли они на месте, окаменели навеки. Превратились в две скалы, что стоят рядом словно двое неразлучных влюблённых — пастух Акойя-Напа и дочь солнца.

Колдовство оленя

На оленя трудно охотиться — олень мчится быстрее стрелы из лука. Поэтому индейцы придумали тепачоле — капкан из брёвен.

Однажды три охотника соорудили тепачоле посреди тропы, которая вела на огороженное фасоловое поле. Они знали, что олени любят лакомиться молодыми побегами фасоли. Индейцы замели свои следы, взобрались на деревья и стали ждать.

Жадность одолевала охотников. Один из них только и говорил, что об оленьей шкуре, другой — об оленьих рогах, а третий — об оленьем мясе.

Солнце поднялось над лесом, роса посеребрила траву. Вдруг послышалось едва уловимое потрескивание сучьев. По тропе шла самка оленя, а за ней — точно по её следам — стройный оленёнок. Они шли так осторожно, что миновали ловушку.

Но вот опять раздался треск сучьев, и на тропе появился огромный олень. На рогах его было по восемь отростков. Он остановился, внимательно оглядываясь. Постоял на тропе, приподняв переднюю ногу, принюхался. Ноздри его раздувались, уши вздрагивали, глаза блестели...

Медленно приблизился олень к капкану, попробовал перепрыгнуть через него, но оступился и застрял. Закричал олень, взывая о пощаде. Но охотники, спрыгнув с дерева, бросились к нему с ножами и топорами. Тогда олень напирг все силы и вырвался из капкана. Отбежав немного, он устал. Люди бросились за ним. Они уже почти настигли его, но олень снова поднялся и побежал. Так продолжалось долго, пока олень не привёл охотников в горное ущелье. Перед ними открылась долина невиданной красоты, с широкой, полноводной рекой и высокими синими горами. Здесь олень медленно переплыл реку и вдруг прератился в одну из таких же синих гор.

В ужасе закричали индейцы:

— Это колдовство! Значит, мы отсюда никогда не выберемса!

— Олень обманом завлѣк нас сюда!

— Нас ждѣт наказанье!

— Вот тебе и оленьѣ мясо! — воскликнул первый индеец.

— Вот тебе и оленьѣ шкура! — сказал второй.

— Вот тебе и оленьѣ рога! — добавил третий.

А эхо, как бы в насмешку, громко повторяло:

«Мясо!.. Шкура!.. Рога!..»

Никто из них не видел ничего подобного на земле своих предков — ни таких гор, величественных и суровых, ни таких рек с прозрачной синей водой, ни таких деревьев, могучих и диковинных.

Никто из них не видел прежде такого солнца — оно окрашивало долину то в ярко-зелѣный цвет изумруда, то в нежно-голубой цвет бирюзы, то в красный цвет рубина, то в огненный цвет топаза.

В этот час долина была окрашена рубиновыми лучами. Склоняясь к горизонту, солнце заливало снежные вершины полшебным розовым светом.

Наступила ночь, индейцы улеглись на траву. Они дрожали от страха перед дикими зверьями, которые бродили вокруг. До утра они не могли сомкнуть глаз.

Наступил рассвет. Охотники спустились к озеру. Воды

озера переливались, словно опаловые. На гребнях воли вскипала не пена, а большие цветы. Они росли вместе с волной, и с её гребня падали в глубину вод. Охотники захотели напиться, но вода оказалась солёной.

Вокруг росли деревья, усыпанные крупными и тяжёлыми плодами. Но охотники не решились к ним прикасаться.

Всё утро они провели возле озера. В полдень, когда топазовое солнце встало прямо над головой, в небе появились громадные летающие существа, похожие на бабочек. Крыла каждого из них хватило бы на крышу для индейской хижины.

Солнце начинало сильно припекать, и охотники укрылись от его лучей в овраге. Там они нашли россыпи серебра, золота и изумрудов.

Всё было прекрасно в этой таинственной стране, куда привёл их олень. И всё-таки охотникам хотелось вернуться в свои леса, где плавно текут неширокие реки, где живут птицы с простым и привычным для глаза оперением. Они молили волшебного оленя, чтобы он позволил им вернуться на родину...

Наступил третий день. Индейцы проснулись в тревоге и тоске. Каково же было их изумление, когда они увидели, что находятся на знакомой дороге, недалеко от своего селения! Вот и люди идут навстречу... Но почему все в испуге от них разбегаются? Почему никто не хочет с ними разговаривать? Страх овладел охотниками, и они уже начали думать, что надо им уходить из родных краёв. Здесь никто их не ждал, никто не был им рад и все их боялись.

Но под вечер один дряхлый старик осмелел и приблизился к ним. Он узнал трёх охотников, которых все давно считали умершими, потому что они ушли из родного селения не три дня, а три года назад.

Оказалось, что они побывали в волшебной пещере Алтепéана. Мало кто возвращался оттуда живым.

Если верить мудрецам, такое наказание ждёт всякого, кто посягнёт на жизнь священного животного — оленя.

Почему цапля живёт на берегу

Над пальмами, над глубокими оврагами летел ястреб. Он спешил к реке, где обычно ловила рыбу цапля. Ястреб давно полюбил её, но только сейчас решил заговорить с ней.

— Сеньора цапля, вы очень красивы, — сказал он, спустившись на землю и сложив крылья. — Я прошу вас выйти за меня замуж.

— Хорошо, я выйду за вас замуж, — ответила цапля, — но прежде скажите: почему у вас голова совсем голая?

— Одно время я служил в солдатах, и мне опалило голову в огне сражений, — ответил ястреб.

— А почему у вас такие белёсые лапы? — спросила опять любопытная цапля.

— Это оттого, что я когда-то был продавцом соли, а соль, как вы знаете, разъедает кожу.

— Понятно, — сказала цапля. — А скажите: почему от вас так дурно пахнет?

— Ах, — ответил ястреб, — я когда-то торговал кожей ядовитых змей. Запах кожи навсегда пристал ко мне.

— Бедняга, — посочувствовала цапля, оглядывая ястреба. — А не хотите ли вы мне спеть что-нибудь?

— С удовольствием, — ответил ястреб и начал кричать: — Касс, касс, кассс! Гуз, гуз, гуз!

— Что это с вами? — спросила цапля.

— Ничего особенного. Просто я пробую голос.

— Вы меня покорили. Вы достойны быть моим мужем. Но прежде вы должны поплавать вместе со мной.

— Я готов доставить вам такое удовольствие.

Цапля нырнула, ястреб за ней. Но он не умел плавать. Наглотался ястреб воды и, наверное, пошёл бы ко дну, если бы цапля не вытащила его на берег.

Ястреб долго не мог прийти в себя, а когда очнулся, расправил крылья и сказал цапле:

— Я скоро вернусь, сеньора.

С тех пор цапля всегда живёт на берегу реки. Она так и не вышла замуж. Она ждёт сеньора ястреба.

Опустошённая земля

Однажды добрый бог племени чибча́ — Чибча́ку вышел из реки, в которой жил. Он оглядел земли, прилегающие к морю. То была прекрасная долина, окружённая с трёх сторон горами. Вершины, покрытые вечными снегами, прятались среди облаков.

«Хорошая земля, — подумал Чибчаку, — жаль только, что никто тут не живёт».

И он решил создать здесь жизнь.

Чибчаку поднялся на горный хребет и своим жезлом высек воду из скал. И вода потекла по горным склонам, образуя многоводные и глубокие реки. В горах появились драгоценные металлы, а в долине выросли высокие деревья с сочными плодами.

По долине и горам Чибчаку разбросал семена, из которых вскоре появились люди. А сам скрылся в водах реки.

Случилось так, что люди, родившиеся из семян, которые упали в долине, не захотели поделиться землёй с теми, кто родился в горах. Но жители гор, незлобивые и мирные, не начали войну: они отправились в глубь страны искать плодородные земли. Рождённые в жарких краях, они страдали от холода и снежных бурь. Многие гибли в пути.

— Вернёмся на земли, с которых мы ушли, — сказали люди вождю. — Если наши братья откажут нам в приюте, мы будем бороться за жизнь. Великий бог знает, что мы не хотели войны.

Вождь горного племени понял, что его люди правы, и решил вернуться.

Когда вождь долины узнал, что приближаются люди горного племени, он созвал своих воинов и приказал им готовиться к войне.

Вожди двух племён встретились, и вождь долины сказал:

— Я вижу, вы возвратились. Чего вы хотите?

— Мы хотим остаться здесь. И пусть твоё сердце смягчится. У тебя и у твоего народа много земли. Разреши нам

жить на маленьком клочке земли рядом с вами. Этим ты порадуешь бога, который создал нас.

Вождь долины презрительно рассмеялся. Он видел, что горцев стало меньше, что они утомлены долгой дорогой. Если бы началась война, с ними было бы легко расправиться. Но в душе вождя росло сомнение. Он знал, что добрый Чибчаку желает мира между племенами. Вождь решил не начинать войну, пока не посоветуется с мудрецами.

Мудрецы племени выслушали его и направились к широкой и глубокой реке, где жил бог Чибчаку. Они бросили в воды реки свои дары и спросили бога:

— Наш вождь и наше племя хотят знать: дозволено ли начинать войну против людей одного с нами рода?

В ответ на это вода в реке забурлила и поднялась, словно волны в море. Потом вода схлынула, и на берегу остались дары, которые мудрецы бросили в реку.

— Бог отказался от нашего приношения. Мы не должны начинать войну с братьями нашими, — сказали мудрецы вождю.

Слова мудрецов испугали вождя, и он отдал горному племени небольшую часть земли.

Но вскоре вождь долины узнал, что его дочь полюбила юношу из горного племени. Он был так разгневан, что забыл о запрете Чибчаку и решил напасть на своих соседей.

Тем временем Чибчаку захотел узнать, что делается на его земле. Была ночь, и богиня Чйа, луна, освещала землю. До утра Чибчаку бродил по долине никем не замеченным. По лицам спящих воинов прочитал он всё, что должно случиться. И тогда Чибчаку решил покончить с коварным вождём долины и наказать его народ.

Он зашёл в хижину, где спала дочь вождя, и что-то шепнул ей на ухо. На рассвете он, как всегда, скрылся в глубинах своей реки.

Когда девушка проснулась, она отправилась к своему любимому и сказала ему:

— Послушай, этой ночью меня посетил бог Чибчаку.

Юноша с удивлением посмотрел на неё. Девушка продолжала:

— Бог сказал мне: бегите оба к большой реке, не теряя времени, потому что я должен покарать племя твоего отца.

— Не может быть! — воскликнул юноша. — И ты готова бежать от своего отца?

— Я должна, я не могу ослушаться бога.

И они пустились в путь. Деревья давали им тень и протягивали свои сочные плоды.

Вождь долины готовился к войне и не сразу заметил, что его дочь исчезла. Но когда он узнал об этом, то догадался, что она убежала с юношей из горного племени. И вместе со своими лучшими воинами отправился на поиски беглецов.

И вот, когда беглецы отдыхали, острый слух юноши различил вдали шум осторожных и поспешных шагов. Он приложил ухо к земле и понял, что это преследователи.

— Мы должны бежать, — сказал он девушке. — За нами гонятся.

Они быстро встали и пошли. Они хотели скорее добраться до реки и попросить помощи у доброго Чибчаку. Но каждый раз, когда юноша прикладывал ухо к земле, он слышал, что погоня всё ближе.

— Я боюсь, что они настигнут нас до наступления темноты, — сказал он.

И тогда девушка обратилась к богу:

— Я подчинилась тебе, добрый Чибчаку. Приди же теперь к нам на помощь, иначе мы погибнем!

Великая и могущественная Чиа услышала мольбу девушки. Она осветила реку, в которой жил Чибчаку, и разбудила его.

И Чибчаку вышел из воды на землю, держа в руке своей жезл. Он дотронулся им до подножия гор, и горы рухнули, а посреди земли разверзлась огромная пропасть. Красная земля обнажила свои недра. На миг сверкнули золотые жилы и зелёные изумрудные россыпи. Бурные реки вышли из берегов и вырвали с корнями прекрасные деревья. Племя вождя долины было сметено потопом. Спаслись только дочь вождя со своим возлюбленным.

С тех пор долина перестала быть плодородной. Её реки

исчезли — их выпил песок. Из всех её богатств остались только золото. Оно и сейчас таится глубоко под землей, выжженной и бесплодной.

Так рассказывают индейцы племени чибча с берегов реки Магдалены.

Песня Огараити

Когда-то индейцы племени гуарани пришли на берега Ла-Платы и основали там селение. Но один из индейцев не стал строить свою хижину рядом с остальными, а поставил её в лесу. Это был сильный и смелый охотник. Каждый день на рассвете он выходил на охоту с луком и стрелами и бродил в лесной чаще. Храбрость, твёрдая рука и меткий глаз приносили ему удачу.

У этого человека был сын по имени Огараити. Мальчик играл среди деревьев, окружавших хижину, стрелял из маленького лука и с нетерпением ждал, когда отец начнёт брать его с собой.

Прошло время. Огараити превратился в храброго юношу и стал ходить с отцом на охоту. Он легко находил следы зверя и храбро вступал в бой с любым хищником. Отец радовался успехам сына. Но чтобы стать настоящим воином, Огараити, по обычаю гуарани, должен был пройти три испытания.

Пришла пора больших дождей. Над лесом поднимались горячие испарения, в реке прибывала вода.

В то утро Огараити не пошёл с отцом на охоту, а отправился к реке. Огараити пересек лес и вышел на берег — здесь река делала излучину.

Ноги Огараити утопали в мягком песке. Он дошёл до того места, где река низвергалась водопадом. Вот чего он искал!

Юноша бросился в воду. Он долго боролся с течением, рассекая ревущие волны. Он вышел из воды усталый, но довольный и лёг на песок. Он отдыхал и слушал могучий шум реки.

И вдруг его слух уловил песню. Огараити приподнялся и посмотрел в сторону леса. Среди деревьев он увидел стройную девушку, которая спускалась к реке. У неё была смуглая кожа и блестящие чёрные волосы, заплетённые в косы. Она спокойно шла и пела, уверенная, что её никто не слышит.

Огараити встал и пошёл навстречу девушке. Она остановилась. Он сказал ей:

— Пой ещё! Твоя песня прекрасна!

Но девушка бросилась бежать. Огараити побежал за ней, догнал её и увидел страх в её глазах.

— Не бойся, — сказал он, — я не причиню тебе зла. Из какого ты племени?

— Из того же, что и ты, — ответила девушка.

Юноша удивился — он не видел прежде эту девушку, потому что редко бывал в селении.

— Как тебя зовут? — опять спросил юноша.

— Меня зовут Эйрете́.

— Твоё имя очень подходит к твоему голосу, такому приятному и нежному.

Оба улыбнулись.

— Меня зовут Огараити, — продолжал юноша.

— Я знаю, — ответила девушка.

Огараити не мог скрыть удивления — откуда она знает его имя?

— Хотя ты и живёшь далеко от селения, твою семью все знают, — объяснила Эйрете. — Все говорят, что твой отец самый лучший охотник племени.

— Да, мой отец хороший охотник, — сказал Огараити. — Он сегодня на охоте, и я должен был идти с ним. Но скоро мне участвовать в испытаниях юношей, поэтому я и плаваю здесь.

— Здесь? Ты говоришь, что плавал в этом месте?! — с ужасом переспросила Эйрете.

— Да, здесь. Я учусь бороться с сильным течением. Я хочу победить всех соперников.

— Но здесь очень опасное место. Как ты выбрался из воды?!

Огараити пожал плечами. Он попросил Эйрете, чтобы она снова спела песню. Она запела, и юноша почувствовал, как его сердце наполняется радостью.

Потом они долго сидели молча. Вдруг Огараити сказал:

— Эйрете, когда я пройду все испытания, я смогу выбрать себе жену. Ты пойдёшь за меня замуж?

— Я стану твоей женой, если ты захочешь.

— Поклянись мне богом Тупой, который смстрит на нас с солнечного диска.

— Клянусь, — ответила Эйрете и протянула юноше руки в знак клятвы.

Счастливые, они вернулись в свои хижины.

Шли дни. Огараити хотел, чтобы скорее настало время испытаний. Когда они окончатся, он сможет открыто сказать о своей любви к Эйрете. А потом он построит рядом с хижинкой отца свою хижину, и они с Эйрете поселятся в ней. Эйрете будет месить кукурузные лепёшки и печь их на огне, а он будет охотиться.

И вот наступил первый день испытаний — в них участвовали все юноши племени, достигшие совершеннолетия.

На рассвете вождь и старейшины племени вышли из селения и направились к заранее приготовленной площадке. Там они расположились под старым развесистым деревом.

Воины и охотники окружили площадку. В середине собрались юноши, участники первого испытания — в беге. Они стояли, подняв лица к солнцу, на котором обитал бог Тупа, и каждый просил бога помочь ему победить соперников. Затем вождь племени поднял свою деревянную нуиду¹ и ударил ею о землю.

Начался бег. Самые быстроногие ушли вперёд. Огараити бежал первым. В глубокой тишине юноши закончили первый круг, пробежав перед вождём племени. И второй и третий круг Огараити бежал впереди. Вдруг он заметил, что его товарищ, сделав последний рывок, обгоняет его. Огараити бросился за ним. Его тело легко наклонилось

¹ Нуида — деревянная булава, служившая индейцам при свершении обрядов.

вперёд, ноги едва касались земли. В один миг он догнал соперника и первым закончил бег.

Молчание сменилось криками. Огараити с блестящими от счастья глазами предстал перед вождём, и тот объявил его победителем.

Когда Эйрете узнала, что победил Огараити, радость её была так велика, что девушка даже спряталась от людей.

Второе испытание — в плавании — было на следующий день. С утра на реке появилось множество лодок каноев — все хотели быть поближе к пловцам.

Едва прозвучал сигнал, Огараити бросился в воду. Пока его соперники переплывали реку, он уже достиг противоположного берега и вернулся обратно. Трижды пересекал он реку, и никто не мог его догнать. Так Огараити стал победителем и в плавании.

Оставалось последнее испытание — голодом. В течение девяти дней юноши должны были лежать в кожаных мешках. Старцы следили, чтобы никто не приносил им еду. Разрешалось только пить сок кукурузы. Огараити был уверен в своей выносливости, но для Эйрете эти дни были пыткой...

Наконец к вечеру девятого дня юношам разрешили выйти из мешков. Некоторые из них упали в обморок, другие еле держались на ногах.

Огараити вышел победителем и из этого испытания.

— Огараити, — сказал ему вождь, — ты превзошёл всех юношей. Ты заслужил самую высокую похвалу, и твои заслуги не будут забыты. — И, обратившись к остальным, вождь продолжал: — Отныне все юноши, прошедшие испытания, считаются настоящими воинами. Они могут теперь приходить на совет и высказывать своё мнение. Как только народится новая луна, я созову совет.

Вождь ударил кулаком о землю. Все начали расходиться. Огараити бросился к отцу и обнял его.

— Я горжусь тобой, сын мой, — сказал отец. — Идём домой, тебе нужно отдохнуть.

Огараити улыбнулся:

— А ещё нужно и поесть, правда?

— Твоя мать приготовила мясо и лепёшки. Она ждёт тебя.

И они направились к своей хижине.

Утром Огараити убежал из дома к реке. Там он впервые увидел Эйрете и надеялся встретить её опять. И девушка пришла. Она показалась ему ещё прекраснее, чем раньше. Сначала он не знал, что сказать. Она заговорила сама:

— Я знаю, что ты был первым во всех испытаниях. Моё сердце сказало мне, что ты победишь.

— Я победил, потому что думал о тебе, — ответил Огараити.

Эйрете улыбнулась. Он продолжал:

— Скоро народится новая луна, и я встречусь с мужчинами племени. Тогда я попрошу тебя в жёны.

Она согласилась.

С той минуты они стали ждать новолуния. Наконец это время пришло. Совет племени начался.

Огараити хотел обратиться к вождю со своей просьбой. И вдруг он услышал, что вождь сам зовёт его.

Он подошёл к вождю.

— Я тебе говорил, Огараити, — начал вождь, — что твои заслуги не будут забыты. Ты победил своих товарищей, и бог Тупа дал мне знать, что ты его избранник.

Огараити слушал вождя и ничего не понимал: он думал только о своей просьбе.

Вождь продолжал:

— Когда я умру, ты станешь вождём нашего племени. Я уверен, что ты сумеешь защитить нашу землю, если другое племя захочет отнять её у нас. Я уверен, что ты приведёшь наших воинов к победе.

Шёпот одобрения раздался со всех сторон. Голос вождя звучал всё торжественнее:

— Огараити, у меня есть дочь, и ты, избранник Тупы, достоин того, чтобы взять её в жёны.

Огараити был в смятении. Он не возьмёт в жёны другую девушку! Но как отказать самому вождю племени?! Сказать прямо: «Нет, я не люблю твою дочь, разреши мне же-

ниться на Эйрете? Эти слова Огарайти не мог даже выговорить. И тогда, к изумлению собравшихся, он опустился на колени и обратился к богу Тупе:

— Бог Тупа, ты живёшь на солнце и видишь всех нас. Ты знаешь обо мне всё, ты знаешь, что я не могу нарушить свою клятву и не могу взять в жёны дочь вождя.

Огарайти умолк. Вождь и мужчины тоже молчали. И тут всё племя увидело бога Тупу. Он спустился с солнца на землю.

— Женись на Эйрете, девушке с волшебным голосом, — сказал он Огарайти. — Ты будешь счастлив, но для этого ты должен стать птицей.

Огарайти, не раздумывая, ответил:

— Я согласен.

Не успел он произнести эти слова, как почувствовал, что его тело уменьшается. Его сильные руки, которые легко натягивали лук и боролись с волнами, стали двумя нежными крылышками. Огарайти превратился в маленькую птичку, имя которой печник. Он взлетел на верхушку высокого дерева и запел там свою первую песню. Это была красивая трель — она напоминала песню, которую пела Эйрете в тот день, когда они встретились. Всё это случилось на глазах у изумлённых гуарани.

А Эйрете была в это время дома. Она почувствовала вдруг какое-то странное беспокойство, вышла из хижины и услышала красивую трель Огарайти. Эйрете вспомнила свою песню. Ей показалось, что земля уплывает у неё из-под ног. Она раскинула руки и лёгкой пташкой вспорхнула в небо. Подхватив нежную песню любимого, Эйрете полетела к дереву, где её ждал Огарайти.

**Сказки индейцев
Северной Америки**

Мудрый Глускеп

В глубине лесов — так далеко, что птице не долететь, — лежит озеро Тиото. Теперь оно пустынно. А когда-то всякий год летом на озеро съезжались индейцы. Одни привозили рыбу и меняли её на оружие, другие раскладывали по бортам лодок дублённые кожи, третьи предлагали тёплые меховые одежды.

Над озером с утра до ночи стоял шум голосов. Иной раз индейцы кричали так, что сами себя не слышали. И некому было их унять.

Но вот однажды, когда смех и крики индейцев распугали всех чаек, на озеро Тиото с голубого неба опустилось большое облако. Едва облако коснулось воды, из него выплыло белое каноэ. В каноэ сидел стройный, величественный, очень высокий человек.

— Что вы кричите, словно малые дети? — сурово спросил он притихших индейцев.

И тут, как осенние листья с деревьев, посыпались на незнакомца жалобы.

— Не хочу я брать соль за бобровые шкурки! — сказал один индеец.

— А мне за медный браслет мало колчана со стрелами! — пожаловался другой.

— Разве за хорошие мокасины честно давать лук, у которого тетива что гнилая трава? — выкрикнул третий.

Человек в белом каноэ поднял руку.

— Моё имя Глускеп. Я пришёл, чтобы помочь вам, — властно сказал он. — Забудьте ваши ссоры. Плывите все к берегу и унесите подальше от воды свои лодки.

Индейцы послушались.

Когда на озере не осталось ни одного каноэ, незнакомец поднял голову и простёр ввысь руки. В тот же миг тёмная туча скрыла солнце. Когда же лучи его снова озарили небо, все увидели над озером Тиото огромную стаю гусей. Гуси бесшумно садились на воду, жадно пили, а потом улетали. Вместо них отовсюду налетали новые и новые птицы.

Они садились на воду, жадно пили её и улетали. Так скоро в озере совсем не осталось воды.

Проводив взглядом последнюю птицу, Глускеп указал индейцам на влажное дно озера. Там среди водорослей поблёскивали раковины, каких прежде никто не видел.

— Обточите их, — сказал Глускеп, — сделайте круглыми и панижите на толстые нити. Имя этим ожерельям будет пампум. Пусть каждый из вас меняет на эти ожерелья пампум всё, что ему нужно, и тогда вам не придётся кричать и спорить.

Таков был первый совет, который дал индейцам мудрый Глускеп.

Ему понравилось среди бескрайних лесов и прерий, и он решил остаться здесь навсегда. Тут же на берегу он построил себе вигвам. Ручьи и ливни снова наполнили озеро, и скоро над гладью Тиото, как прежде, носились белокрылые чайки.

Только отныне над озером царила тишина.

Волшебник Глускеп

В племени забанаков, что значит «те-кто-живёт-рядом-с-восходящим-солнцем», рассказывают про юношу по имени Табалёк.

Выл он добрым, но только медлительным и неловким. На охоте стрелы его всегда мимо дичи летели.

Однажды вождь племени повелел, чтобы все индейцы принесли ему пампум — ожерелья из раковин. В вигваме Табалека не было ни одной раковины. Тогда мать Табалека достала припрятанную шкуру лося и послала сына выменять её на раковины.

Путь Табалека лежал через лес. Ещё не скрылся из виду его вигвам, как из зарослей навстречу юноше вышел человек. Он поднял руку и сказал ласково:

— Здравствуй, сын мой!

Табалек вежливо ответил, хотя никогда раньше не видел этого индейца.

— Нравится мне эта шкура лося, — сказал незнакомец. — Отдай её мне!

Опустил Табалек голову: жаль ему было отказать приветливому человеку.

— Прости, — ответил юноша, помолчав, — мне нужно получить за эту шкуру вампум, чтобы отдать его походу.

— А я дам тебе за шкуру блюдо с жареным мясом. Возьми — не пожалеешь.

Незнакомец вытащил из кожаного мешка блюдо. Несколько маленьких ломтиков лежало на нём — этим едва ли насытился бы и ребёнок!

Табалек покачал головой.

— Ну, как хочешь, — сказал незнакомец. — Попробуй всё же кусочек.

Угощение вкусно пахло, и Табалек не устоял.

— Бери ещё, бери, — весело говорил путник.

Табалек не спеша, чтобы не показаться жадным, взял ещё ломтик. Незнакомец угощал от всего сердца. Съев несколько кусков, Табалек заметил, что еды на блюде уменьшилось.

Наконец Табалек почувствовал, что уже совсем сыт, но руки не слушались его, сами тянулись за угощением.

На лице незнакомца заиграла довольная улыбка, когда он увидал, что Табалек не может оторваться от блюда.

— Ну хватит, — сказал наконец старик. — Отдай мне шкуру, а блюдо возьми себе.

Табалек сбросил с плеча шкуру и протянул её странному человеку.

Домой он возвращался печальный, изредка поглядывая на блюдо, которое получил вместо вампума.

На следующий день мать дала Табалеку большую медвежью шкуру.

— Бери за неё только вампум, сынок, — сказала она, провожая сына.

На той же тропинке Табалек опять повстречал старичка, который нёс в руках вытертый кожаный пояс.

— Послушай, храбрый воин, — сказал незнакомец, — скоро зима, а мне нечем укрываться в холодные ночи. Но

пожалей для меня этой тёплой шкуры. Взамен я дам тебе вот что. — И он протянул Табалеку свой пояс.

— Я отдал бы тебе шкуру, — признался Табалек, — но наш вождь требует вампум! А такой старый пояс — зачем он мне?

— Это не простой пояс, — рассмеялся старик.

И едва он смолк, как кожаная петля обвилась вокруг тела Табалека и стала сжимать его всё сильнее.

— Сними! Сними скорей! — задыхаясь, крикнул юноша.

— Ты будешь свободен, как только отдашь мне шкуру, — твёрдо сказал старик.

Побрёл Табалек домой, понуро опустив голову, с полоской старой бизоньей кожи в руках.

— Что ты наделал? — всплеснула руками мать. — Всё, что у нас было, ты роздал каким-то бродягам! Остались только эти десять шкурок выдры. Ступай принеси вампум и не срались больше.

На этот раз Табалек пошёл в другую сторону. Он уж совсем было выбрался из лесу, как вдруг до него донеслись звуки индейской дудки. Сам того не желая, Табалек подпрыгнул на месте, топнул и пошёл плясать. Так, пританцовывая, Табалек очутился на полянке, где увидел незнакомого старика, — он-то и играл на дудке.

— Позволь мне остановиться! — взмолился Табалек, которому совсем не хотелось плясать.

Но старик продолжал играть, будто и не слышал его просьбы. Тогда Табалек отцепил от пояса шкурки выдры и кинул их к ногам старика.

Старик опустил дудку и погладил мягкую шерсть.

— Возьми эту дудочку, сынок, и не гърюй! — сказал он, посмеиваясь. — Ты сам не знаешь, как тебе повезло.

— Что теперь с нами будет? — сказала мать Табалека, когда он вернулся. — Смотри, вот и вождь идёт к нам!

И правда, к вигваму в окружении воинов приближался вождь вабанаков. Воины били в барабаны и что-то выкрикивали.

Сердце Табалека трепетало, как трепещет кролик, зави-

дев гремучую змею. Но когда он пригласил вождя войти, лицо его снова было спокойно.

В вигваме было пусто, а вся еда лежала на блюде, которое Табалек выменял у первого незнакомца. Вождь недовольно покосился на старое блюдо с крошечными ломтиками мяса. Но вот он почувствовал зкусный запах, взял один кусочек, и в тот же миг глаза его заблестели от жадности. Он отбросил в сторону копьё и принялся хватать мясо обеими руками. Даже в его вигваме никогда не подавали такого угощения! Но чем больше он ел, тем ненасытней становился...

— Уберите! — только и мог крикнуть он, однако руки его сами хватали всё новые куски.

Табалек осмелел.

— Я заберу блюдо, — быстро сказал юноша, — но прежде обещаю, что не станешь требовать вампум ни с меня, ни с других жителей селения.

— Обещаю! — чуть не подавившись, пробормотал вождь.

Но едва Табалек убрал блюдо, вождь крикнул своим воинам:

— Убейте его!

Воины бросились к Табалеку, но юноша швырнул в них старый потёртый пояс, и незваные гости замерли, связанные узкой полоской кожи.

— Вижу, ты храбрый человек, — с трудом проговорил вождь. — Может, ты решишься померяться силой даже со злыми духами?

— А как? — удивился Табалек.

— Я скажу, только прикажи освободить нас, — попросил вождь. — Тебя никто не тронет.

Табалек скатал пояс и положил его в карман.

— Ты ведь знаешь, у меня есть дочь Махия, — начал вождь. — Прошла уже не одна зима с тех пор, как она перестала смеяться. Даже улыбку её мы забыли. Пусть будет так: если ты сумеешь одолеть злых духов и развеселить мою дочь, она станет твоей женой, а если нет — я повешу твой скальп перед моим вигвамом!

Табалек подумал и, не глядя на мать, чтобы не видеть её печали, сказал:

— Пойдём!

Всё селение собралось к вигваму вождя. Вскоре показалась и Махия. Ни на кого не взглянув, она уселась на постланную для неё шкуру и печально опустила голову.

Все притихли.

Тут заговорил Табалек. Он стал рассказывать сказки, одну смешнее другой. Все, даже старый колдун, не могли удержаться от смеха. Одна Махия сидела мрачная, словно ненастная ночь.

— Вот видишь... — шепнул вождь Табалеку. — И тебе это не под силу.

Тогда Табалек вытащил из-за пояса старую дудочку и заиграл. Под его весёлую музыку все пустились в пляс, даже вождь нехотя двинулся по кругу.

Сначала Махия сидела не шевелясь, глядя на свои расшитые мокасины. И вдруг среди шума и топота раздался её звонкий смех! Девушка смотрела на пляшущую толпу и смеялась.

— Бери дочь! — отдуваясь и стирая пот со лба, сказал вождь. — Ты победил.

Махия сияла, как весеннее солнце. И через три дня Табалек женился на ней. Потом Табалек стал вождём и до конца дней своих вспоминал встречи с добрым волшебником, который так счастливо изменил его жизнь. А имя того волшебника было Глускеп.

Как Глускеп подарил людям птиц

Когда мир был ещё совсем юным, жил на свете великан. Индейцы звали его Волчий Ветер. Куда бы он ни помчался, всюду сеял беду. Если пекло солнце, он улетал к себе в Страну Вечной Ночи. Но стоило осенним тучам закрыть солнце, как Волчий Ветер вырывался на волю. Даже самые старые деревья жалобно скрипели тогда, а молодые дрожали от корней до вершин.

Изредка Волчий Ветер налетал и среди лета. Он сгибал до земли стебли маиса, и они больше не поднимались. Даже морские волны бросались от него на берег, словно хотели укрыться в лесной чаще. Зимой Волчий Ветер начинал выть, как стая голодных волков, и вся земля цепенела от ужаса.

В то время возле моря жило много индейцев. Однажды все взрослые уплыли на своих маленьких каноэ далеко-далеко, чтобы наловить к зиме побольше рыбы. На берегу остались только дети.

Едва солнце ушло на запад, как с севера нагрянул злой великан. Он летел низко над волнами, громко завывая:

— Я Волчий Ветер! Я Во-олчий Ве-етер! Кто выйдет навстречу, тот погибнет! По-гиб-нет!

Волчий Ветер летел, срывая с волн клочья пены.

Долго боролись индейцы с разъярённым морем, а Волчий Ветер только хохотал. В ту ночь никто не вернулся на берег.

Потопив лодки, Волчий Ветер бросился к берегу и увидел детей. Они вглядывались в даль, надеясь увидеть среди волн каноэ рыбаков. И задумал свирепый великан известить детей — всех до единого. Но дети укрылись в глубокой пещере, а вход в неё завалили камнем. Сколько ни выл Волчий Ветер, он не мог своротить гранитную глыбу: она словно в землю вросла. Так и улетел Волчий Ветер, погрозив напоследок:

— Я верну-усь... Верну-усь!

Долго слушали дети, как трещат и стонут деревья. Прижавшись друг к другу, сидели они в темноте.

Когда же всё стихло, они выбрались из пещеры и побрели на юг, в ту далёкую тёплую страну, о которой им когда-то рассказывали старики.

Много дней шли они. А когда очутились на поляне, где трава была по пояс, цветы — с ладонь, а ручьи — светлее утреннего неба, догадались дети, что попали наконец в Ивовую Страну. Густые леса защищали их от Волчьего Ветра. Маленьким беглецам казалось, что теперь им ничто не грозит.

Но Волчий Ветер попытался пробраться и в Ивовую Страну. Однако зелёные чащи не пустили его. Словно могучие воины, отражали деревья все его удары. И поклялся тогда злой великан отомстить деревьям.

Осенью он вернулся в Ивовую Страну со своим братом — Северным Ветром. Второй великан мог обращать воду в камень, мог убивать цветы и травы. Морозный пар валил у него изо рта, и земля стыла от его дыхания. Где он пролетал, там оставалась мёртвая белая пустыня.

Вдвоём набросились злые ветры на непокорные деревья. Но лесные великаны только смеялись. Качаясь под порывами бури, они говорили:

— Мы кедры, сосны, пихты и ели! Мы сами родом из Страны Вечной Ночи и вас не боимся!

А вот белоствольные берёзы, осины и клёны устоять не смогли. Ветры сорвали с них зелёный наряд и развеяли по земле.

— Теперь я до вас доберу-усь, доберу-усь! — гудел Волчий Ветер.

Но старые ели укрыли своими мохнатыми лапами маленьких беглецов, и злые ветры пролетели мимо, не заметив детей...

Когда же зима отступила на север, в Ивовую Страну явился мудрый Глускеп. Каждый год приезжал он туда на затейливо изукрашенных нартах, которые тянули собаки.

Дети рассказали Глускепу, как ветры убили всю листву.

— Мы ничего не просим для себя, — сказали они, — только верни деревьям их одежду.

Глускеп курил трубку и задумчиво глядел вдаль. Он вспоминал, что уже успел сделать на земле и что ещё предстояло ему совершить.

Долго сидел так добрый Глускеп, и дым его трубки уплывал в небо, сливаясь с белыми облаками.

И сказал наконец Глускеп:

— Я не могу вернуть деревьям те листья, что сорвал с них Волчий Ветер. Но все эти листья по моему велению обернутся птицами! Отныне каждую осень птицы будут улетать в Страну Цветов и Лета, а весной вы увидите их

вновь. Птицы эти никогда не забудут, откуда они родом. Словно листья, они будут кружиться в воздухе. Голоса ветров и журчание вод отзовутся в их песнях. Эти песни станут радовать людей. А дети — пусть они не дают птиц в обиду, помня о том, как не дал их в обиду зелёный лес. Деревья же, с которых Волчий Ветер сорвал зелёный парад, отныне будут каждую весну одеваться зеленью вновь.

Глускеп поднял волшебную палочку, четыре раза взмакнул ею — и жёлтые, оранжевые, красные листья, что лежали на земле, встрепенулись и взлетели ввысь пёстрой птичьей стаей.

О том, как кролик потерял свой хвост

В те далёкие времена, когда великий Глускеп только заселил землю, все звери были совсем не похожи на нынешних.

Даже Аблигамуч, кролик, бегал тогда на длинных, стройных ножках, и комары не решались беспокоить его своим пышным хвостом. Аблигамуч бил их без всякой жалости. Но послушайте, что случилось потом.

Однажды весной, когда на тонких стебельках повисели белые колокольчики ландыша, Аблигамуч отдыхал под густым кустом. Вдруг он услышал шорох и осторожно выглянул из-под куста. Утирая слёзы, по лесу брёл Ускул-рыболов из племени ласок.

— Здравствуй, — грустно сказал Ускул, заметив кролика.

— Что опечалило тебя, брат Ускул? — спросил кролик.

— Я спешу на свою свадьбу и сбился с пути, — всхлипнул Ускул. — Я должен поспеть на свадьбу до захода солнца, иначе отец моей невесты выдаст её за ворона. Он поклялся в этом! А посмотри, солнце-то уж низко...

— Где живёт твоя невеста?

— В селении Уилнеч, что у изгиба реки...

— Я хорошо знаю эти места, — встрепенулся кролик. — Следуй за мной!

Аблигамуч быстро побежал вперёд. Ускул же, привыкший больше лазать по деревьям, вскоре отстал. Он то и дело поднимался на задние лапы и высматривал, где среди травы мелькнёт хвост кролика. А солнце уже висело под нижней веткой дуба, как огромный золотой жёлудь. И тут Ускул вдруг оступился и почувствовал, что летит вниз головой в какую-то яму. Он больно ударился о камень, однако сразу вскочил и стал звать кролика.

Долго кричал Ускул, даже охрип, пока кролик вернулся.

— Эй, ты здесь? — позвал кролик, ложась на край ямы.

— Пропадал я...

— погоди! Сейчас придумаем что-нибудь, — откликнулся Аблигамуч. — Вот тебе мой хвост, хватайся за него! Вытащу.

Изловчился Ускул, подпрыгнул и уцепился за кроличий хвост. Аблигамуч упёрся четырьмя лапами и стал изо всех сил тянуть. Вот уже показалась голова Ускула, но тут что-то громко треснуло, и Аблигамуч ткнулся носом прямо в землю... Это его хвост, длинный, пушистый хвост, оборвался... Помотал головой кролик, стряхнул прилипшие к носу старые сосновые иглы, потом обхватил передними лапами тонкое деревцо и, свесив вниз задние лапы, крикнул:

— Эй, держись крепче!

Рыболов был тяжёлый. На миг кролику даже показалось, что больше он не выдержит, но тут из ямы вынырнула круглая голова Ускула.

— Ух! — только и сказал Аблигамуч, отцепившись от дерева.

И тут он обнаружил, что задние ноги его стали длиннее передних! Бежать, как прежде, он уже не мог, а надо было поторапливаться.

— Идём, идём, рыболов, — позвал Аблигамуч. — Тебе ведь спешить надо!

Когда между солнцем и землёй остался только крохотный просвет — не проползти даже гусенице! — Аблигамуч и Ускул прибежали в селение.

Ускул рассказал, что произошло с ними в пути. Аблигамуча усадили на самое почётное место, и не было ни там ни у кого более дорогого гостя, чем кролик! Невеста танцевала с ним первый танец. Кролик, хотя ноги у него ещё болели, так закружил её, что она упала на куст ежевики и разорвала свой праздничный наряд. Аблигамуч очень опечалился, но сейчас же вспомнил, что неподалёку видел красивую шкуру, развешанную для просушки. И вскоре перед невестой уже лежала серебристая шкура оленя.

— Нужен ещё поясок, чтобы шкура не развеялась по ветру! — сказала невеста.

Кролик оторвал от шкуры тонкую полоску и скрутил из неё тугий шнурок.

Поздно ночью, когда веселье кончилось, кролик стал прощаться.

— Подожди меня здесь, — шепнула ему невеста и скрылась в кустах.

Скоро она вернулась, неся белый пушистый комочек.

— Вот возьми наш подарок, — сказала она. — Нося эту шубку зимой, она бела как снег, и тебя никто не заметит.

Очень обрадовался Аблигамуч такому удивительному подарку. Попрощавшись со всеми, он поспешил домой.

Стояла полная луна, и в лесу было совсем светло. Пробегая мимо небольшого озера, Аблигамуч нечаянно шагнул в воду и в страхе отскочил назад.

— Ой, неужели это я? — испугался кролик и присел на траву. — Как покажусь я теперь своим друзьям? О-о-о... — тихонько заплакал он.

Сколько Аблигамуч просидел так на берегу, никто не знает. Кому мог кролик поведать своё горе? Разве что всемогущему Глускепу...

— О Глускеп, — робко шептал кролик, — ты видишь, что случилось со мной? Все будут смеяться над бедным кроликом... Верни мне мой прежний облик...

Высоко в горах добрый Глускеп услышал жалобу своего маленького друга и в мгновение ока очутился подле кролика.

— Я знаю, что случилось с тобой, — промолвил он. —

Но не горюй: за твою доброту я тебя награжу. Ты ведь любишь душистый сладкий клевер?

Кролик печально кивнул.

— Раньше тебе трудно было уловить его медовый запах, — продолжал Глускеп, — а теперь я сделаю так, что ты будешь чують клевер издалека!

— Это хорошо! — приободрился кролик. — Но скажи: как я буду бегать на таких вот ногах?

— Можно ведь не только ходить или бегать, можно ещё и прыгать, — успокоил его Глускеп. — И, поверь мне, это придётся тебе по нраву.

— Ну, а как же мой хвост? Неужто он навсегда останется таким?

— Не спорю, прежде хвост у тебя был нарядней, — отвечал Глускеп. — Однако припомни, как часто приходилось тебе вытаскивать из него репы и колючки.

— Ты говоришь правду, о великий Глускеп! — совсем повеселел кролик. — Туго мне приходилось с моим хвостом. — И Аблигамуч рассмеялся.

— Вот видишь. Значит, теперь тебе будет лучше, чем было! — И Глускеп тоже рассмеялся.

А когда Глускеп весело смеётся, земля дрожит и верхушки деревьев касаются травы...

В память о том, как кролик выручил из беды своего друга, повелел Глускеп с той поры всем кроликам походить на Аблигамуча. Оттого у всех кроликов задние ноги длинные, а хвосты короткие.

Муун-сын-медведицы

Жил некогда среди дремучих северных лесов мальчик по имени Сиго. Отец его умер. Маленький Сиго не мог ещё охотиться, и мать вышла замуж второй раз.

Отчиму — звали его Чёрный Рог — всё чудилось, что жена заботится больше о сыне, чем о нём. И он задумал наблизиться от Сиго.

— Жена, — сказал он однажды, — сегодня Сиго пойдёт со мной на охоту.

— Не надо, — попросила жена, — его время ещё не настало.

Но женщина не может перечить мужу.

Долго пробирались охотник и мальчик сквозь сумрачную чащу. Уже мокасины Сиго порвались, губы пересохли, и угрюмый человек всё вёл его дальше и дальше.

Солнце уже скатилось с вершук деревьев, когда они приблизились к черневшему среди кустов входу в пещеру.

— Поищи-ка там кроликов, — сказал охотник.

Сиго отпрянул от пещеры.

— Там ничего не видно, — сказал он.

— Боишься? — усмехнулся Чёрный Рог. — Клякой же на тебя охотник! Ступай! Вернёшься, когда я позову.

Он подтолкнул Сиго к пещере и, как только мальчик скрылся в темноте, завалил вход большими камнями.

«Никто не узнает, куда делся этот трусливый мальчишка», — думал Чёрный Рог, озираясь по сторонам.

Но ласточка, которая сидела на высокой сосне, всё видела и тут же полетела к доброму Глускепу.

Страшен был в ярости могучий Глускеп! Возвзвиз он огромное копьё в холм, по которому шёл Чёрный Рог, и гряда камней навсегда скрыла ото всех человека со змеиным сердцем.

Потом мудрый Глускеп призвал к себе дикобраза и попросил его спасти Сиго.

В пещере было холодно. Сиго, так и не дождавшись, когда Чёрный Рог позовёт его, спотыкаясь, побрёл к входу. Слезы текли по его лицу. И вдруг он услышал чей-то голос:

— Не плачь, Сиго! — Голос был тихий и совсем не страшный. Это был старый дикобраз, который умел разговаривать с детьми. — Я помогу тебе!

Холодная рука страха перестала сжимать сердце Сиго. Дикобраз подобрался к камням, завалившим вход в пещеру, попробовал их столкнуть. Но камни были очень тяжёлые. Тогда дикобраз закричал громким голосом:

— Э-ге-гей! Друзья Глускепа! Сюда! Сюда!

И тут послышался треск сучьев — то мчались напролом волк, енот, олень и кролик. Стаи птиц летели на зов, и шум их крыльев заглушал вой ветра. Прискакала маленькая белка, приползла даже черепаха.

— В пещеру бросили мальчика! — крикнул дикобраз. — Мне одному не под силу освободить его. Помогите!

Звери трудились, не жалея сил. Олень оставил под валуном свой рог, многие обломали когти и зубы, а Сиго всё ещё сидел в темноте.

— Р-р-р! А вот и я! — послышалось вдруг из лесу.

Звери обернулись. На поляну вышла медведица Мууин-скво. Она растолкала зверей, разбросала камни своими сильными лапами, и скоро Сиго, жмурясь, вышел на свободу.

— Мальчик голоден. Кто накормит его? — спросил дикобраз. — Мы едим кору и листья — это ему не подходит.

Малиновка улетела и скоро положила перед Сиго червяка. Бобёр притащил кусок ивовой коры. Все звери возвращались со своими угощеньями. Последней принесла еду Мууин-скво: на большом листе лежала лепёшка из черники.

Сиго съел только лепёшку.

— Вот хорошо! — обрадовался дикобраз. — Мууин-скво возьмёт мальчика себе.

Так Сиго поселился в медвежьей берлоге. Здесь было тепло. Трое мохнатых медвежат — сынишки Мууин-скво и маленькая дочка — обнюхали своего нового братца и улеглись рядом.

Скоро Сиго позабыл свою прежнюю жизнь среди людей. Ему казалось, что он тоже медвежонок.

Однажды весной Мууин-скво отвела всех к реке полакомиться корюшкой. Медведица вошла в воду, села на задние лапы и принялась вылавливать серебристых рыбок. Она швыряла их на берег, а медвежата и Сиго ловили рыбок и ели.

Вдруг Мууин-скво повела носом, втягивая воздух. Потом она кинулась к берегу, рывкнув:

— Бегите!

Когда все забились в глубь берлоги, Сиго прошептал:

— От какого зверя мы убежали?

— По лесу шёл человек, такой же, как ты, — ответила медведица. — Люди убивают зверей. Если вы почуваете запах человека, бегите прочь!

С каждым днём всё меньше времени оставалось для игр.

Ещё затемно Мууин-скво водила всех собирать ягоды. Каждый новый день был короче ушедшего. И вот однажды, когда медвежата и Сиго проснулись, они увидели, что всё кругом покрыто белым пушистым снегом.

На этот раз их зимней берлогой стало дупло поваленного дерева. Там было темно, сухо и тепло.

Прошла половина зимы. Лепёшек из черники было вдоволь, толстая кора дерева не пропускала внутрь ледяную стужу. Но однажды...

Однажды индейцы-охотники заметили пар, который вился над дуплом. Они разглядели следы когтей на коре и догадались, что здесь медвежья берлога.

Мууин-скво издали услышала голоса людей. Она разбудила медвежат и Сиго и зашептала, горячо дыша:

— Там люди! Я выйду первая, они погонятся за мной. Тогда бегите вы. — Она лапами толкнула сынишек. — А ты, человечек, попроси охотников не убивать маленькую.

Мууин-скво выбралась из берлоги и кинулась в сторону, но охотники пронзили её меткими стрелами. Двое медвежат успели улизнуть в лес. Сиго последним показался из дупла и сразу крикнул:

— Я такой же человек, как вы! Не убивайте мою сестру!

Индейцы в страхе опустили луки. И тогда мальчик рассказал им, как попал в медвежью семью. Охотники достали кусочки сала, накормили медвежонка и долго печалились о том, что убили медведицу.

Целый день плакал Сиго над недвижимой Мууин-скво. А потом сказал:

— Отныне моё имя будет Мууин-сын-медведицы. Мои стрелы никогда не полетят в братьев Мууин-скво.

С той поры индейцы племени вабанаки, завидев пар, что струится из-под снега, говорят тихонько: «Это медведица готовит пищу своим малышам. Не будем её тревожить».

Ошегейяс

В одном индейском селении у лесного озера жили три сестры. Старшая — Ууна — была девушкой заносчивой и сварливой. Средняя — Масуси — во всём подражала старшей сестре и не отличалась добротой. Только у младшей нрав был кроткий и мягкий.

Родители сестёр давно умерли, охотиться девушки не могли, поэтому мясо они выменивали у охотников на глиняную посуду. А делали они её так: старшая плела корзины из ясеневых веток, средняя обмазывала их глиной, а младшая обжигала на костре. Девушке приходилось склоняться над огнём, искры брызгали ей в лицо и оставляли на нём маленькие отметины. Оттого и прозвали эту девушку — Ошегейяс — «Та-у-которой-лицо-в-отметинах».

На дальнем конце озера жил молодой охотник по имени Тиам. Он знал такие заклинания, что мог делаться невидимым. Только родная сестра Калусит могла его тогда видеть. Тиам незаметно подкрадывался к любому зверю, и стрелы его разили без промаха.

Однажды Калусит пришла в селение и сказала людям: — Слушайте все! Мой брат хочет жениться. Он возьмёт ту девушку, которая увидит его.

Хотя самого Тиам никто не знал, слух о том, что он великий охотник, давно шёл по всей округе.

Девушки из селения одна за другой ходили к жилищу охотника, но всё напрасно.

Наконец решила попытать счастье и Ууна, старшая из сестёр. Средняя — Масуси — захотела отправиться вместе с ней.

Калусит приветливо встретила обеих сестёр, пригласи-

ла отдохнуть с дороги. Когда же настало время Тиаму пер-
нуться с охоты, Калусит подвела девушек к берегу озера и
спросила:

— Видите вы моего брата?

И Ууна и Масуси сразу заметили каноэ, легко скользя-
вшее по воде. Но каноэ казалось пустым! Даже если
нельзя было различить. Потому что всё, к чему прикаса-
лась рука Тиамы, становилось невидимым.

— Я вижу его! — крикнула первой Ууна.

— И я! И я! — откликнулась Масуси.

Калусит чувствовала, что девушки лгут, а потому
спросила:

— Из чего сделана его перевязь?

— Из лозы! — быстро сказала Ууна.

— Нет, из кожи! — перебила её сестра.

Тут Калусит поняла, что ни одной из них не суждено
стать женою брата. И она решила наказать сестёр за ложь.

— Пойдёмте назад, — мягко сказала Калусит, — вы
поможете приготовить ужин для Тиамы.

Поправив ожерелье из раковин, Ууна уверенно направ-
илась вслед за Калусит. Но и Масуси не теряла надежды.

Когда все трое остановились у очага, Калусит вдруг
обернулась и сказала:

— Здравствуй, Тиам.

Сёстры тоже повернули головы, но, конечно, никого
не увидели.

— Возьми ношу у Тиамы! — приказала Калусит Ууне.

Девушка растерянно шагнула к выходу и в нерешитель-
ности остановилась. И тут кусок олевины с шумом упал
к её ногам. Ууна вскрикнула и бросилась вон из шижина.

— Помоги брату снять мокасины, — сказала Калусит,
обращаясь к Масуси, — да не забудь просушить их.

Но Масуси смущённо стояла посреди вигвама.

И тут мокрые мокасины шлёпнулись у её ног. Масуси
закрыла лицо руками и тоже выбежала из шижина.

— Как долго я не могу найти себе невесту! — вздохнул
Тиам.

— Не спеши, — отвечала Калусит. — Сердце твоей жены должно быть чистым и добрым.

Ошегейяс ещё издали заметила возвращающихся сестёр и сразу поняла, что не нашли они своего счастья. Знала Ошегейяс, что теперь всю злобу сёстры выместят на ней. Недолго думая девушка выскользнула из вигвама и скрылась в лесу.

Ошегейяс шла куда глаза глядят. В лесу было тихо. И тут девушка вспомнила, что из всего селения она одна ещё не ходила к вигваму Тиамы на дальний конец озера. «Только зачем ему та, у которой лицо в отметинах, — горестно размышляла она. — Да и нарядов у меня никаких нет. Конечно, их можно сделать ну хотя бы из коры...»

И девушка принялась ловко снимать кору с упавших берёз. Она проткнула дырки острым прутом и сшила куски берёсты крепкими травинками. Одежда получилась жёсткой и громко шуршала. Зато таких снежно-белых одеяний никто ещё никогда не носил.

Когда Ошегейяс вернулась к своей хижине, сёстры очень удивились:

— Что это ты затеяла?

— Я иду к Тиаму, — твёрдо ответила Ошегейяс.

— Глаза твои слепы, как у крота! — вскричала Масуси. — Неужели в подобной одежде ты покажешься людям?

— Пусть, пусть идёт! — зло ухмыльнулась Ууна. — Она скоро вернётся.

Когда Ошегейяс проходила мимо вигвамов селения, со всех сторон слышался смех, даже собаки заливались громким лаем.

От стыда щёки Ошегейяс горели огнём, однако она быстро шагала вперёд, глядя на верхушки деревьев, и оттого вид у неё был гордый и смелый.

Тиам был на охоте. Навстречу Ошегейяс вышла Калусит.

— Я пришла... я пришла... — едва выговорила запыхавшаяся Ошегейяс, — чтобы увидеть твоего брата... если только смогу, — добавила она смущённо.

— Входи и отдохни, — улыбнулась Калусит.

От ласки, которая звучала в её голосе, Ошегейяс чуть не расплакалась. С ней ещё никто так не говорил!

Когда солнце спустилось за лес, Калусит повела Ошегейяс на берег озера.

— Видишь ты моего брата? — немного погодя спросила она.

Ошегейяс посмотрела вдаль, но заметила лишь пустую лодку. Опустив голову, Ошегейяс тихо шепнула:

— Нет, я не вижу его...

— Посмотри ещё раз! — настойчиво сказала Калусит. — Посмотри!

Ей понравилась эта девушка в странном наряде, которая сказала правду.

Ошегейяс глянула на приближавшееся каноэ и вдруг радостно крикнула:

— Вижу, вижу! Вот он!

— Тогда скажи, что за перевязь у него через плечо?

— Да она из радуги! — удивилась Ошегейяс, заметив теперь, что грудь Тиам обвивает пёстрая лента, словно спустившаяся с небес.

На лице Калусит светилась счастливая улыбка — наконец Тиам нашёл себе невесту!

Она отвела Ошегейяс в вигвам, велела скинуть свой наряд и подала девушке платье из тонкой оленьей кожи и роговой гребень.

— Я иссушила свои волосы у очага, — грустно сказала Ошегейяс.

Но стоило ей провести гребнем по голове, как она ощутила, что волосы её сделались густыми и мягкими.

Калусит с ласковой улыбкой смотрела на гостью. Ошегейяс закрыла лицо руками и вдруг почувствовала, что кожа её стала нежной и гладкой. Все стметины исчезли!

В это время, откинув полог, вошёл Тиам.

— Наконец я нашёл тебя, милая невеста, — с улыбкой сказал он и усадил Ошегейяс на то место, которое они с сестрой давно уж отвели для его будущей жены.

С того дня Ошегейяс, Тиам и его сестра зажили в мире и согласии.

Вдали от всех мудрый Глускеп радовался счастью Ошегейяс: он-то давно знал, что за честное и доброе сердце у Той-чье-лицо-в-отметинах.

Сказка про Скагеди

◆ Однажды посреди зимы, в Месяц Глубоких Снов, окружила метель и снег сыпал много дней. Он укрыл с макушками маленькие деревья, и лишь старые лесные великаны возвышались над сугробами. Снегопад загнал зверей в норы, замёл их следы, а в селения индейцев привёл незваного гостя — голод.

Плотно закрывали охотники пологи вигвамов и, не оглядываясь, уходили в леса. Они ступали неслышно на своих широких лыжах, легче ветра раздвигали ветви, но нигде не находили даже кроличьих следов.

Наредка доносился до охотников вой голодных волков, однако плач голодных детей был для них страшнее.

И вот, когда на бесплодные поиски дичи ушло уже много дней, колдун Дадават собрал всех охотников. Он вынес свой волшебный мешок из оленьей кожи, который хранил в тайнике. И сказал Дадават:

— Пусть каждый коснётся мешка! И на исходе ночи он завладеет добычей, какую сейчас пожелает. Но помните: пусть никто не трогает сердца убитого зверя! Иначе этот мешок лишится волшебной силы и добрые духи отступят от нас.

Дадават высоко поднял талисман и потряс им в воздухе.

Первым коснулся мешка вождь племени. Он пожелал себе медведя... Потом, соблюдая старшинство, подошли все охотники племени. Последним тронул мягкую кожу молодой индеец Скагеди. Он попросил духов послать ему рысь.

К вечеру пурга опять оавела свой яростный танец. Снег шуршал не переставая, полы вигвамов хлопали по шестам, и дети с головой зарывались в меховые одеяла.

Скагеди не смыкал глаз всю ночь. Едва начало светать, он встал на лыжи, надеясь первым увидеть на свежем снегу следы зверя.

Он шёл недолго и вдруг заметил на берегу реки рысь, в лапах которой билась маленькая выдра. Едва веря своим глазам, Скагеди выдернул из колчана стрелу и натянул тетиву до самого уха. Молод был юноша, но добыча редкая уходила от него.

Рысь осела в снег, а выдра метнулась к реке и с плеском нырнула в полынью.

Подбежав к мёртвой рыси, Скагеди выхватил из пояса охотничий нож. Он рассек тушу и дрожащими руками вынул сердце. «Кто узнает об этом? — подумал юноша. — А голод столько дней шёл по моим следам...»

Путь назад показался Скагеди совсем коротким. Солнце уже поднялось над верхушками деревьев, когда юноша добрался до своего вигвама, бросился на шкуры и тут же уснул.

Остальные охотники вернулись лишь с наступлением темноты. Однако им и в этот раз не было удачи. Вудто и не касался никто из них волшебного мешка. Правда, сам вождь племени нашёл своего медведя. Но едва успел он поднять лук, как зверь исчез за деревьями. Только промёрзшие ветки затрещали где-то в чаще.

Молча выслушав рассказ вождя, Дадават с толпой охотников пошёл вдоль селения. Он знал: кто-то нарушил его запрет. Искать пришлось недолго: у вигвама Скагеди лежала ещё не освежёванная рысь. Когда колдун перевернул её, все увидели широкую рану.

— Скагеди преступил закон! — вскричал колдун. — Нет ему прощения!

— Нет прощения! — отозвались индейцы.

На шум голосов из вигвама выбежал юноша. Он сразу понял всё и замер на месте.

— Скагеди разрушил волшебство! — продолжал Дадават. — Мы уходим отсюда. Собирайтесь. Скагеди останется один, потому что он думает о себе одном.

Молча выслушали все суровый приговор. Только неко-

торые женщины украдкой вздыхали — жалко им было юношу. А у черноглазой Ви, младшей сестрёнки Скагеди, по щекам катились слёзы. Скагеди не шевельнулся, не поднял головы.

В тот же день племя снялось с места. Люди прокладывали тропу в глубоком снегу. За ними с трудом шли тяжело навьюченные лошади. Даже собаки, что покрупнее, тинули санки.

Вскоре среди деревьев исчезла последняя фигура, и Скагеди остался один. Он придвинулся к костру, но огонь не согревал его. Наступила ночь, завыл ветер. Юноша сидел и дрожал от холода...

Прошло много дней. Ни разу Скагеди не вынул из капкана зверя, ни разу не пустил стрелу в убегающую добычу. Голод отнял у Скагеди даже сон. И вот однажды показалось Скагеди, что кто-то крадучись ходит вокруг вигвама. Схватив копье, юноша откинул полог. В лицо ему метнулись колкие снежинки, а до слуха сквозь шум вьюги донёсся невнятный шёпот:

— Скагеди... Скагеди... Слушай меня... В пещере под сосной спит медведь... Убей его...

Зорко вглядывался Скагеди в ночную темень, но, как ни старался, ничего не мог разглядеть.

Потом он опустил полог и подбросил сучьев в костёр. Положив рядом с собой нож и копье, Скагеди лёг спать.

К утру непогода стихла. Скагеди встал на лыжи и вскоре очутился у пещеры. Над входом тоненькой струйкой курился пар. Под снегом глубоким сном спал медведь.

Проснуться ему не пришлось. Зоркий глаз был у Скагеди, твёрдая рука.

Медведь попался большой, но Скагеди всё же приволок его к вигваму. Мясо он разрезал на куски и приготовил их для копчения, а из толстой шкуры задумал сшить тёплую одежду и мокасины. Целый день трудился Скагеди и целый день неотступно думал, кто же спас ему жизнь и как ему вернуться к своему племени.

Среди ночи, когда юноша спал, шелестящий голосок снега позвал его:

— Скагеди, Скагеди...

Охотник тут же вскочил.

— Завтра придёт к тебе Ви, — продолжал таинственный голос. — Скажи ей: пусть передаст всем, что теори, они могут возвратиться. Пусть скажет Дадавату, чтобы он простил тебя, — ты вернёшь волшебную силу его мешку.

Когда голос смолк, Скагеди бросился из вигвама, однако и на этот раз ничего не увидел во тьме.

Ви пришла днём. Она долго плакала от радости, увидев брата живым и здоровым, — все считали, что он уже погиб.

На другое утро девочка пустилась в обратный путь, а Скагеди весело принялся за работу. Вечером он долго не ложился спать, боясь, что сквозь сон не услышит голоса своего спасителя.

И вот, когда наступила ночь, молодой индеец снова услышал тихий голос:

— Скагеди, Скагеди, слушай меня! Когда вернётся Дадават, возьми у него мешок и спроси каждого охотника, какого зверя он хотел бы добыть. Все просьбы исполнятся. Сам же ты напоследок опусти в мешок руку. Достань то, что найдёшь на дне, и принеси в мой вигвам. Где он, сейчас тебе знать не надо. Но если исполнишь всё, как велено, легко отыщешь дорогу.

Скагеди снова выбежал наружу, и, хотя погода стояла тихая и снег искрился под луной, он ничего не увидел, сколько ни всматривался.

На другой день мужчины племени вернулись на старое место. Колдун собрал всех и молча протянул Скагеди свой мешок. Юноша принял его и обратился к охотникам.

— Какого зверя ты хочешь? — первым спросил он вождя.

— Медведя, — коротко бросил тот.

И сейчас же из мешка высунулась на миг когтистая лапа.

— Будет тебе медведь, — сказал Скагеди. — А что хочешь ты? — спросил он у сына вождя.

— Оленя, — последовал быстрый ответ.

И тут же из мешка на мгновение высунулся ветвистый рог оленя.

Суровые лица воинов осветились улыбкой. Они поняли, что сегодня вернутся домой не с пустыми руками. Голод уйдёт из становища, и они вновь услышат весёлый смех детей.

Оделив всех, Скагеди сунул руку в мешок и нащупал что-то маленькое и мягкое. Это была лапка выдры. Скагеди спрятал находку, тотчас надел лыжи и бросился на поиски.

Лыжи сами вели юношу куда-то в глубь леса. Выбежав на берег озера, Скагеди разглядел среди сугробов невысокую круглую хижину.

«Раньше её здесь не было, — подумал он. — Наверно, это вигвам моего ночного гостя».

В хижине было пусто. Вокруг валялись рыбьи кости и чешуя, пахло выдрой. Скагеди бережно положил свою находку на лёд и повернул назад.

Не успел он сделать и двух шагов, как за его спиной раздался знакомый голос:

— Скагеди!..

Юноша обернулся — и что же? На том месте, где только что стояла хижина, чернела небольшая полынья, из которой нёсся голос:

— Помнишь, ты спас от рыси моего детёныша? За это я отблагодарила тебя. Теперь мешок Дадавата никогда не оскудеет. А лапка, которую ты принёс сегодня, была когда-то моей...

«Моей... моей...» — откликнулось из лесу эхо.

— Но запомни и передай всем! В ваших вигвамах всегда будет довольно еды, если только люди твоего племени на тропе охоты не станут искать встречи с выдрой.

Послышался всплеск, и по воде пошли круги. Юноша подождал ещё немного, а затем отправился в становище.

С той поры охотники этого племени никогда не идут по следу выдры, а заметив её, опускают луки.

Гордая Красавица

→ то было очень давно, когда никто из бледнолицых ещё не ступал по земле индейцев. У вождя одного из северных племён родилась дочь. Издалека приходили люди посмотреть на неё. Лицо девочки было светло, как тихий летний день, а глаза сверкали подобно звёздам. Потому и дали ей имя — Сияющие Глаза.

С годами Сияющие Глаза превратилась в прекрасную девушку. Только речи её делались всё холоднее, а взгляд — надменнее. Тогда люди стали звать её иначе — Гордой Красавицей. Старый вождь только качал головой, однако дочери новое имя понравилось.

Слава о красоте девушки разлетелась по индейским селениям, и многие храбрые воины приносили дары к ней. Ваму вождя, надеясь породниться с ним. Гордая Красавица рассматривала редкие меха или диковинные украшения, но как будто не замечала тех, кто принёс их.

— В чей же вигвам ты хочешь войти? — спросил её однажды старый вождь. — Скажи мне, ведь эти люди ждут.

— О, среди них нет достойного! — ответила Гордая Красавица. — Уж не хочет ли стать моим мужем тот тот, с рыбьими глазками? Или, может быть, тот, у которого нос, как у селезня? — И девушка звонко рассмеялась. — А этот, вон посмотри, его зовут Большой Орёл, — продолжала она. — В его головной повязке перьев столько, будто он совершил все подвиги на свете! Почему же сейчас он боится даже пошевелиться? Может, он замёрз, как река зимой? Тогда ему больше подойдёт другое имя — Большая Лыдина!

Злые слова Гордой Красавицы падали, как капли осеннего дождя, но ни один мускул не дрогнул на лице воина. Он подошёл к старому вождю и тихо сказал:

— Я уезжаю.

— Тебя обидели насмешки моей дочери?

— Она ещё пожалеет об этом. Прощай.

Трижды взошло солнце, прежде чем собаки домчали Большого Орла до стоянки его племени. В лагере все готовились двинуться на юг.

— Собирайся скорее, мы покидаем эти места! — кричали мужчины Большому Орлу, когда тот проезжал по селению.

— Не ждите меня, я догоню вас, — отвечал юноша.

На другое утро, когда последняя упряжка скрылась в лесу, Большой Орёл, шепча заклинания, принялся что-то лепить из снега. Он трудился долго, а когда кончил, среди пустого посёлка неподвижно стояла фигура воина, одетого, как подобает молодому индейцу. Большой Орёл долго смотрел в лицо снежного истукана, а потом медленно произнёс:

— Слушай меня и помни! Ты Великий Воин. Твоё имя — Мууви. Ты родился далеко-далеко на севере, где лёд и снег никогда не тают. Сердце у тебя тоже изо льда, оно не знает любви и жалости.

— Да, — произнёс оживший Мууви.

— Я отвезу тебя в селение, где живёт девушка, имя которой Гордая Красавица. Ты возьмёшь её в жёны!

— Пусть будет так, — отозвался человек из снега.

И оба тут же пустились в путь.

К вечеру третьего дня нарты Большого Орла остановились неподалёку от вигвама Гордой Красавицы.

— Ступай, — тихо приказал индеец.

— Да будет так, — отвечал Мууви.

Едва он вошёл в жилище старого вождя, все взоры обратились к нему.

— Вот, вот он! — шепнула Гордая Красавица отцу. — Его я согласна назвать своим мужем!

Пышную свадьбу устроил своей дочери старый вождь. Когда же веселье кончилось, Мууви объявил, что должен немедленно отправиться назад, к своему племени.

— Мы поедem завтра на рассвете, — сказала Гордая Красавица.

— Я ухожу сейчас, а ты останешься. Мои воины придут за тобой весной, — проговорил Мууви.

И тут люди впервые увидели, как плачет Гордая Красавица. Тогда Большой Орёл подошёл к Мууви и что-то сказал ему.

— Пусть будет по-твоему, женщина, — обернулся к жене Мууви. — Иди за мною да не отставай.

Мууви двинулся вперёд. Много дней шли они через заснеженные леса, пересекали равнины, перебирались через замёрзшие реки.

— Скоро ли мы увидим стоянку твоего племени, муж мой? — не раз спрашивала Гордая Красавица.

— Нет, — качал головой Мууви.

И они снова брели по заснеженной пустыне.

Но однажды южный ветер разогнал тяжёлые низкие облака, проглянуло солнце и повеяло теплом. К полудню лед подтаял, и идти стало трудно. Вдруг Гордая Красавица испуганно вскрикнула: Мууви застыл на месте, покатился и рухнул, как дерево. Гордая Красавица бросилась к нему. И тут она увидела, что тело Мууви обратилось в груды тающих снежных комьев.

Немало раз всходило и заходило солнце, прежде чем Гордая Красавица вернулась в вигвам своего отца. Выслушав её рассказ, старый вождь долго сидел молча, а потом проговорил:

— Утешься! Мудрое солнце указало тебе новую тропу. Ты узнала горе, ты плачешь. Это значит, что лёд твоего сердца растаял.

Земляника

Жил когда-то в северных лесах индеец с женой. Вигвам был у них не большой, не маленький, а как раз такой, чтобы в нём жилось хорошо двоим. Довольно было у них рубах и платьев, расшитых хитрыми узорами, штанов из оленьей кожи, тёплых мокасин и чулок из мягких кроличьих шкурок. И еды всегда хватало, даже на самую долгую зиму. Потому что индеец был смелым охотником, а жена его — Лёгкая Тучка — знала всё, что следует знать хозяйке вигвама.

Жизнь могла быть им в радость, да только индейцу не было не по нраву! То ему казалось, что жена не те шкуры по стенам развесила и на пол не те положила, то широко полог распахнула, то густо кашу заварила, то ещё что-нибудь.

Выслушает его жена, опустит голову, глаза её тусклыми станут, потом вздохнёт и выскользнет из вигвама. И уже не веселит её ни солнце в листьях берёз, ни росинки на иглах можжевельника. Даже звонкие птичьи песни не радуют.

Но не зря говорят старики: мокасины хороши, пока есть подошвы; человек добр, пока есть терпение.

Однажды поутру вышла Лёгкая Тучка из вигвама и решила назад не возвращаться.

Подбежала она к ручью, что журчал поодаль, и пошла по течению. А ручей бежал за закат, вслед за Солнцем.

Долго ждал индеец в то утро, когда жена принесёт поесть. Выкурил одну трубку, потом другую, а мягких шагов Лёгкой Тучки всё не слышно. Не тянет дымком от костра, не доносится запах тыквенной каши. «Не грибы ли ищет Лёгкая Тучка?» — подумал индеец. Вышел он из вигвама и посмотрел вокруг. Деревья замерли, птицы примолкли. Почудилось тут индейцу, что во всём лесу никого, кроме него, не осталось... И вдруг понял он, что не за грибами отправилась жена, а за счастьем, которого не нашла в его вигваме.

— Скажи, ручей, где моя жена? — крикнул индеец ручью.

Но прозрачный ручей торопился дальше, дальше, и в плеске его слышалось только: «За солнцем... За солнцем... За солнцем...»

Так и побрёл индеец вдоль ручья.

К вечеру четвёртого дня, устав продираться сквозь заросли малины и можжевельника, обратился индеец к солнцу и спросил, где его Лёгкая Тучка.

— Ручей сказал правду, — отвечало Солнце. — Твоя жена идёт вслед за мной.

И стало лицо индейца печальным, как гаснущий ко-

стёр. Прошло уже четыре дня и четыре ночи, как ушла Лёгкая Тучка, и не было у индейца надежды догнать её. Опять вспомнил он свой пустой вигвам и, обратившись лицом к Солнцу, заговорил:

— О великое светило, нет мне жизни без моей Тучки! Прикажи ей вернуться.

— Ты обидел жену, — отвечало мудрое Солнце, — и хотя слёзы не оросили её лица, сердце её трепещет, как раненая лань.

— Пусть вернётся! — опустив голову, промолвил индеец. — Ни единого злого слова не услышит она от меня.

В это мгновение набежало облако, и великое Светило словно нахмурилось. Всё вокруг притихло. Когда же ветер прогнал облако, Солнце заговорило:

— Не знаю, возвратится ли она, но поклянись, что исполнишь своё обещание, и я попытаюсь тебе помочь.

И тогда индеец принёс клятву великому Солнцу. Выслушав её, Солнце сказало:

— Иди вдоль ручья, и ты догонишь Лёгкую Тучку.

Индеец поклонился Солнцу и пошёл на запад не останавливаясь. Он забыл про еду и сон. Много дней он не видел лица человека. И никто не знает, как долго был бы его путь, если бы Солнце не захотело ему помочь.

Тем временем Лёгкая Тучка всё шла и шла вслед за ручьём через заросли и поляны. И ни разу мысль её не возвращалась к вигваму мужа.

«Надо остановить её, — подумало доброе Солнце. — Если она обернётся, то непременно затоскует по дому. Эй, сестрица Земля, пусть вырастет на пути женщины ежевика!»

Неслышно расступилась земля, и на свет выглянул куст, усеянный крупными тёмными ягодами. Но Лёгкая Тучка прошла, даже не заметив их.

Щедро разбросала Земля сладкую чернику. Не посмотрела и на неё Лёгкая Тучка.

«Что может задержать её? — думало Солнце. — Может быть, мимо яркой ягоды не пройдёт она?.. Пусть же вырастет на земле новая ягода — земляника! Алая, как заря!»

Так пожелало Солнце, и у ног Лёгкой Тучки зазелели в траве самые душистые, самые спелые земляничины.

Женщина замедлила шаги. «Как здесь приятно пахнет!» — подумала она, и тут на глаза ей попала красная ягодка. Такой нежной и вкусной Лёгкая Тучка ещё не пробовала! Она раздвигала траву, обирала ягоды и дивилась, сколько их вокруг!

А мудрое Солнце без устали рассыпало всё новое.

Набрала Лёгкая Тучка полные пригоршни. «Кого бы угостить?» — подумала она. Оглянулась — вокруг никого, и никому не нужны эти ягоды.

И вдруг захотелось Лёгкой Тучке поскорее вернуться к своей вигвам.

Из самой яркой земляники на длинных стеблях собрала Лёгкая Тучка букет и пошла назад.

И прежде чем вечерняя заря погасла за лесом, повстречала Лёгкая Тучка своего мужа.

Засияли глаза его светом радости, как загорается сабара, когда смотрится в них Солнце. Принял он из рук жены душистый букет земляники, и показалось ему, что никогда прежде не был он так счастлив.

С тех пор мир и покой не покидали вигвам индейца.

А земляника рассыпалась по всему свету, и кому лес не помеха, тот в Месяц Ягод собирает её пригоршнями.

Сказка о белой кувшинке

Много Больших Солнц назад у прозрачного озера стояло селение оджибуэев. То были времена, когда барабан созывал индейцев только на празднества, потому что все племена жили мирно и свист стрелы слышался лишь на охоте.

Каждый вечер охотники возвращались с богатой добычей. Женщины уже ранней осенью начинали коптить мясо, сушить впрок ягоды и коренья, готовясь к долгой зиме.

И вот однажды маленькие звёзды, которые по ночам играли в прятки среди туч, разглядели на земле островок

хие хижины. У звёзд глаза разгорелись от любопытства: очень уж им хотелось посмотреть индейское становище. Правда, Месяц — их старый вождь — не любил, когда племя его разбредалось: лень ему было, уже сонному, проверять перед рассветом, все ли вернулись. Но, видно, в тот вечер раздобрился Месяц и позволил.

— Ступайте, — сказал он, — только земли не касайтесь. Иначе не сможете вы взлететь на небо и утром сгорите в лучах солнца.

Звёзды едва дослушали слова вождя и ринулись вниз.

Ночь была светлая. Селение спало глубоким сном. Кто бы мог подумать, что совсем рядом — рукой достать — спуют любопытные звёзды?

Только мальчик Ваби, который жил на краю селения, проснулся от странного шелеста. «Это ежи топчут, — подумал он, — или крадётся лиса...» Ваби приподнял кожаный полог, и глаза его от удивления стали круглыми, как у совы. Звёзды — голубоватые, зелёные, крохотные и чуть крупнее — весело шевелили лучами почти у самого его носа! Но вдруг — бум! — стукнуло что-то вверху.

Дзин-н-н! — отозвалось над спящим селением... Это самая маленькая и любопытная звёздочка ударилась о шест, что торчал из вигвама... Звезда упала на землю и тут же превратилась в маленькую девочку. Горько заплакала она:

— Что теперь со мной будет? Я уж никогда не вернусь к сёстрам... А утром меня сожжёт солнце.

— Сразу захныкала... — проворчал Ваби, хотя ему было жаль девочку. — Не плачь! Ты спрячешься у нас под большой волчьей шкурой, и солнце не дотянется до тебя.

— Мне надо скрыться от солнца всего на один день! — отвечала девочка. — В следующую ночь я превратилась бы в цветок и осталась жить на скале около вашего селения. Оттуда далеко видно... Мне здесь нравится...

Неслышно ступая, Ваби проводил девочку в вигвам. Целый день сидел он у входа и заботливо придерживал полог, когда налетал ветер.

Наконец солнце ушло за лес. Тогда девочка выскользнула из посёлка оджибузев и поспешила к скале.

А утром невиданный цветок раскрыл там свои белые лепестки. Индейцы любовались его красотой. Но один лишь Вибби знал удивительную историю звездочки, которую он прятал весь день под большой волчьей шкурой.

Прошло немного времени, и цветку стало одиноко на голой скале. Ведь только птицы, что гнездились неподалёку, напедали его.

Однажды близ цветка на камень сел маленький крапивник — птица-песунья. Она долго щебетала о чём-то своим звонко и немного грустно. Дослушав её до конца, цветок сказал:

— Как мне хотелось бы жить вон там, на лугу. Смотреть на пёстрых бабочек, мохнатых шмелей... Я слышал бы не только песне птиц, но и крики детей!

— Я исполню твоё желание! — сказал крапивник. — Пригнись слегка.

Цветок послушно склонил белый венчик. Птица схватила клювом стебель и полетела вниз.

Совсем иная жизнь началась у цветка. Мимо него по дороге проходили индейцы: одни несли каноэ, другие тащили на коных пойманную рыбу.

Одним ясным утром до цветка донёсся глухой топот.

— О горе! — закричали люди. — Это бизоны!

Все бросились прятаться, а цветок затрепетал, словно холодный ливень пролился над ним. Он свернул свои лепестки и ждал, что будет.

Как ураган, пронеслось по лугу бизонье стадо. Пыль степной поднялась до небес. Земля ещё долго гудела под ударами копыт.

Наконец стало тихо-тихо. Ещё молчал жаворонок и не стрекотали кузнечики, когда цветок осторожно раскрылся и огляделся. Всё вокруг было вытоптано, трава смята, кусты поломаны...

«Мне нельзя оставаться здесь, — испуганно подумал цветок. — Бизоны могут вернуться. Наверное, мне будет лучше на воде».

Он широко раскинул лепестки, качнулся раз-другой и, оторвавшись от земли, взлетел, словно большая бабочка.

Никто не видел, как плавно и бесшумно, будто лёгкое берёзовое каноэ, опустился на озеро белый цветок.

— Что это? — спрашивали дети, придя поутру на берег. И мудрые старцы отвечали:

— Белая Звезда прилетела к нам.

Вот с той поры и появилась на озёрах белая кувшинка, или, как зовут её индейцы, Вабегвана. Но немногие знают, что жила она когда-то в ночном небе среди звёзд...

Спор двух индейцев

Жили когда-то в индейском селении два человека. Одного звали Чёрное Перо, другого — Рысьи Уши. В их жилищах было так же просторно, как в вигваме вождя племени. Когда их табуны шли на водопой, казалось, будто в прерии текли живые реки, и много было у них пленников-рабов.

Чёрное Перо, сражаясь с врагами, никогда не убивал тех, кто просил пощады, и даже вылечивал раненых. Он говорил, что настоящему воину не пристало мучить беззащитных. Но Рысьи Уши думал иначе.

— Почему ты ни разу не побил никого из твоих пленников? — спросил он однажды соседа.

— Наверно, потому, что я не боюсь их, — отвечал Чёрное Перо, смеясь.

— Но ведь они убивали наших людей, — не унимался Рысьи Уши. — Всякий скажет, что ты поступаешь, как слабая женщина!

— Ну что ж, давай спросим, — согласился Чёрное Перо.

— Мы окликнем первых трёх встречных, — сказал Рысьи Уши. — Пусть они рассудят нас. Но тот, кто окажется побеждён, отдаст другому всё, что имеет.

Ранним утром, вскочив на коней, они поскакали на восток и к полудню увидели вдали юношу. Нагнав его, пленники придержали коней.

— Брат мой, — обратился Рысьи Уши к незнакомцу, —

разрешит наш спор! Мы с ним, — тут он указал на своего соседа, — не последние люди в своём племени. Из многих битв возвращались мы с победой, а потому пленники есть и у меня, и у него. Но сосед щадит их, будто это его сыновья, я же не одну палку сломал об их спины. Кто из нас прав?

— Конечно, ты! — ответил, не задумываясь, юноша.

— Вот видишь! — обрадовался Рысьи Уши.

Прошло немного времени, и всадники встретили пожилого индейца.

Рысьи Уши и ему задал свой вопрос. Ответ индейца был тот же.

Долго сжали они потом. Только под вечер показался на тропе древний старик.

— Пленники? — прохрипел он. — В моё время мы их всех убивали!

— Слышал?! — воскликнул Рысьи Уши.

Чёрное Перо молча слез с коня.

— Скажи моей жене, чтобы она отдала тебе всё, что у нас есть. Я вернусь не скоро. Пусть помнит обо мне.

Так они расстались.

Тени холмов пересекли прерии, а одинокий путник всё шёл и шёл. Вечер застал его в лесу. Чёрное Перо хотел было устроиться на ночлег в дупле дерева, как вдруг увидел неподалёку заброшенную хижину. Индеец пробрался внутрь, через заросший кустарником вход, завернулся в плащ и лёг на пол.

Он уже засыпал, как вдруг треск сучьев, топот и шум раздались в лесу. Едва успел Чёрное Перо спрятаться, как в хижину ворвалась толпа странных существ. Оказалось, что здесь, в лесной глуши, собирались на совет злые духи.

Духи расселись у стены, и старший из них приказал каждому рассказать о своих подвигах.

Первым заговорил злой дух с длинным клювом. Он рассказал о том, как разрешил спор двух индейцев, представ перед ними то юношей, то зрелым воином, то стариком.

Только тут понял Чёрное Перо, что произошло с ним по дороге.

Старшему духу очень понравился этот рассказ, он долго смеялся, раскачиваясь из стороны в сторону.

— А я, — нетерпеливо выкрикнул другой дух, — ахнул валуном родник! Теперь индейцы, что живут за лесом, останутся без воды.

— Вот славный подвиг! — похвалил старший. — А тяжёл ли камень?

— Клянусь копытом — не сдвинуть! Камень заколдован, никто не знает, что надо ударить по нему томагавком с восточной стороны, а потом — с западной.

— Вот тебе в награду сухой гриб!

— Теперь выслушайте меня, — пропищал дух с жёлтыми глазами. — У вождя соседнего племени есть дочь по имени Прекрасная-как-заря. Я вдохнул в неё болезнь! До конца своих дней она будет гореть в лихорадке!

— Её могут спасти?

— Спасение есть, — виновато ответил желтоглазый. — Если утром вынести девушку из вигвама, чтобы первые лучи солнца коснулись её лба, мои заклинания потеряют силу. Но кто догадается об этом?

Старший дух, хлестнув хвостом по камню, высек искру и раскурил трубку. Он был доволен. Клубы дыма наполнили ветхую хижину...

Когда Чёрное Перо проснулся, было утро. «Ипверно, мне всё это приснилось!» — подумал он. Но всё же поспешил покинуть хижину.

Он долго брёл лесом. Когда лес кончился, Чёрное Перо увидел на поляне большое селение. У вигвама вождя молча сидели индейцы. На их лицах была написана скорбь.

— Какое горе постигло вас? — обратился к вождю Чёрное Перо.

— Нет воды. Огромный камень завалил родник. Мы не можем его сдвинуть.

Тут Чёрное Перо вспомнил всё, что слышал ночью.

— Я чужой здесь, но позвольте мне испытать свои силы, — сказал он.

— Многие старались, — отвечал негромко один старик.

— Если ты избавишь нас от жажды, мы щедро вознаградим тебя! — воскликнул вождь.

— Сейчас мне нужна только лошадь и томагавк. Я поеду один.

«Проверим, не лгал ли дух», — думал Чёрное Перо, направляя коня вдоль высохшего русла. Наконец он увидел валун, который запер источник.

Злой дух сказал правду: после второго удара гранитная глыба откатилась в сторону. Вода забила из-под осмели и быстрым потоком понеслась вниз, к индейскому селению.

Индейцы устроили в честь своего спасителя большой праздник, и потом каждый отдал ему лучшее из всего, что имел.

— Остановитесь! — вскричал наконец Чёрное Перо. — Зачем такое богатство одному человеку?

Но люди отвечали:

— Ты спас наших детей. Бери и будь счастлив!

Чёрное Перо уже собрался в обратный путь, как вдруг вспомнил о девушке, которую злой дух обрёл на тяжкие муки.

«Надо помочь и ей», — решил он, садясь на коня.

Вечерело, когда он прискакал к вождю, дочь которого была больна.

— Я вылечу её, — устало проговорил Чёрное Перо, отирая с лица пот.

— Тогда ты возьмёшь её в жёны, — сказал вождь, и глаза его засверкали надеждой.

— У меня есть жена, — отвечал индеец, — мне ничего не надо.

Всю ночь не спал Чёрное Перо, боясь пропустить первый луч солнца. Прекрасная-как-заря металась на своём ложе и тихо стонала. Когда же край неба посветлел, Чёрное Перо осторожно поднял девушку, вынес из вигвама и повернул её лицом к востоку. Солнце коснулось лба девушки. Она открыла глаза и вдруг улыбнулась. Она почувствовала, что жизнь возвращается к ней. Увидев улыбку на лице дочери, старый вождь заплакал. Заплакал, наверное,

первый раз в жизни. Он одарил Чёрное Перо всеми богатствами, какие у него были...

И вот Чёрное Перо вернулся в своё селение. Рысьи Уши тут же узнал, что его сосед пригнал большой табун отборных лошадей, навьюченных богатой кладью. Он пришел к нему и с завистью спросил:

— Как ты раздобыл всё это?

Чёрное Перо рассказал ему, что с ним приключилось.

В ту же ночь Рысьи Уши отправился в заброшенную хижину. На этот раз духи были невеселы. Они жаловались друг другу, что все их козни напрасны: люди смеются над их заклинаниями.

— Кто-то нас предал! — загремел тогда голос старшего духа.

Духи испуганно переглянулись. Один из них потянул носом воздух.

— Здесь кто-то чужой, — сказал он.

Мигом рассыпались духи по хижине. Вдруг один из них страшно взвизгнул:

— Смотри-и-ите! — и вытащил из тёмного угла перепуганного индейца.

Что духи сделали с ним, никто не знает. Только этого человека в селении больше не видели.

Волшебный камень

реди северных лесов жили некогда мальчик Токекто и его мать. От их вигвама до ближайшего селения было три дня пути, а потому у Токекто был только один друг — сова. Она устроила себе гнездо неподалёку от их вигвама, в дупле старого дерева.

Однажды сова сказала:

— Добрый Токекто, прими от меня подарок. — И птица протянула мальчику чёрный камешек. — Верёги его, он волшебный. Если случится беда, покрути им над головой, он тебя выручит. Я улетаю сегодня и вернусь не скоро. Но ты с этим камешком не пропадёшь. Прощай!

Каждый раз, когда Токеито уходил в лес, мать наставляла его:

— На запад можешь идти, пока ноги несут, но не обращай лица своего к востоку.

Поэтому мальчик всегда охотился к западу от жилища. Но однажды весной, когда дичь стала попадаться редко, он спросил мать:

— Почему ты не позволяешь мне ходить на восток?

— Об этом не следует даже говорить, сын мой! — отвечала женщина. — Там живёт злой колдун. Он убивает всех, кто приближается к его дому.

— Злой колдун? — удивился Токеито. — Надо с ним расправиться!

— Ты ещё глупый ребёнок, — покачала головой индианка. — Его сила безмерна. Она испепелит тебя, как сухую былинку!

Токеито ничего не ответил. Но следующим утром он отправился на восток.

Он шёл долго, никого не встречая на своём пути. К полудню перед ним заблестели воды большого озера.

Едва Токеито остановился, чтобы передохнуть немного, как вдруг услышал чей-то громкий голос:

— Ты зачем пришёл сюда?

Токеито оглянулся по сторонам, но никого не увидел. Тогда он вскочил, поднял копьё и крикнул:

— Эй, кто ты?

В ответ земля содрогнулась от страшного хохота.

— Вот тебе подарок от меня, храбрый воин! — раздался тот же голос, и со стороны озера подул такой ветер, что Токеито едва устоял на ногах.

— Отчего же ты прячешься? — стараясь заглушить вой ветра, закричал Токеито. — Так сражаются только трусы!

Тогда из озера выкатилась волна величиной с гору. Она обрушилась на мальчика и опрокинула его.

— Ты боишься! — снова выкрикнул Токеито. — Разве это честная битва?

— Я сражаюсь, как мне хочется, — произнёс голос. —

Не смей появляться в моих лесах! Вот сейчас я найду ур-ган и разнесу в клочья твою жалкую хижину!

Токеито поднялся и побежал. Мальчику казалось, что ветер отрывает его от земли и несёт по воздуху.

Наконец Токеито увидел свой вигвам. Мать в страхе старалась прикрыть пологом узкий вход.

— Беги скорее! — крикнула она сыну.

Едва мальчик юркнул внутрь, как большой шест вигвама согнулся, словно тоненький прутик.

— Мы погибли! — воскликнула женщина.

И тут Токеито вспомнил: камень! Ведь сова дала ему волшебный камень!

Он скорее вынул его из мешочка и покрутил над головой.

Внезапно наступила тишина. Ветер унялся, и стало слышно, как стучат по листьям капли дождя. Токеито выбрался из вигвама и осмотрелся. Буря сломала несколько деревьев, но ветви других уже снова тянулись к солнцу.

— Он отступил! — обрадовался Токеито. — Ему не победить меня!

На другой день он снова пошёл на восток.

— Эй, трус! — крикнул Токеито, добравшись до озера. — Вылезай из своей лужи!

Вновь земля и небо задрожали от громкого хохота.

— Ты хочешь сразиться с бурей, ничтожная мошка? С дождём из камней?

— Где же они? — отвечал Токеито. — Я сделаю из них наконечники для своих стрел!

— Беги, храбрый воин, и попробуй ещё раз спасти старуху, которая тебя выкормила!

Токеито повернул назад. Быстро наплзли тучи, и скоро тьма окутала всё вокруг. Рёв ветра и раскаты грома становились всё оглушительнее.

— Только бы успеть, — шептал Токеито и мчался не разбирая пути.

Вот наконец и знакомая поляна. В этот миг первые камни посыпались на землю... Токеито влетел в хижину, покрутил над головой волшебный камушек, и тотчас

огромная скала нависла над вигвамом, прикрыв его от лавины камней.

— Этот трусливый повелитель ветров не уйдёт от меня! — кричал мальчик. — Теперь ему не миновать гибели!

Когда буря улеглась, Токенто снова бросился в лес. Подойдя к озеру, он услышал знакомый голос:

— Я вижу тебя!

Теперь Токенто тоже увидел врага: посреди озера торчала огромная голова с четырьмя лицами. Она медленно поворачивалась, и каждый раз, когда к Токенто обращалось одно из четырёх лиц, глаза мальчика встречались со злобным взглядом колдуна.

— Ты ещё не размок в этом болоте? — крикнул Токенто. — Потерпи, я скоро его осушу.

— Твои слова значат не более, чем комариный писк, — проговорила голова, с ненавистью глядя на Токенто.

— Сейчас ты увидишь, так ли это, — прошептал мальчик.

Он привязал волшебный камень к наконечнику стрелы и что было сил натянул тетиву. Со свистом полетела стрела в цель. Громадная голова раскололась и скрылась под водой.

Токенто повернулся и зашагал прочь.

— Я убил его! — крикнул мальчик, подходя к своему вигваму. — Больше он никому не причинит горя!

— Да, — улыбнулась сквозь слёзы мать. — А я и не заметила, как мой мальчик сделался храбрым воином.

Утка с красными лапками

Среди дремучих лесов жил когда-то индеец по имени Тугой Лук. Все дни проводил он в чащах, выслеживал дичь, ставил капканы. И не было в округе лучшего охотника, чем он.

Однажды плыл Тугой Лук по большой реке. Неподалёку от того места, где он собирался пристать, заметил Тугой Лук девушку, сидевшую на прибрежном камне. Чёрные

волосы её блестели, как ночная река под луной. Тугой Лук грёб неслышно, чтобы не испугнуть незнакому красавицу.

И тут он подумал: «Вот если б эта девушка согласилась стать моей женой!..»

Он хотел приблизиться, но девушка вдруг встрепенулась, глянула на подплывавшего охотника, спрыгнула в воду и исчезла.

Тугой Лук бросил весло. Долго смотрел он в омут, где скрылась красавица.

Девушка эта — звали её Чёрное Крыло — жила на дне реки, а лёстрые рыбы были ей сёстрами. Она приплыла к своей матери и рассказала, как её чуть не похитил какой-то охотник.

— Он, наверно, хотел взять тебя в жёны, — отвечала мать. — Зря ты его испугалась. Сядь завтра там же, пусть этот индеец заговорит с тобой.

На другой вечер охотник снова возвращался по реке. Уже издали заметил он девушку на том же месте, что и накануне.

Тугой Лук направил каноэ прямо к девушке, но она не тронулась с места. Обратив к нему лицо, она тихо промолвила:

— Возьми меня в жёны, охотник...

Вот так и нашёл себе жену Тугой Лук.

В тот вечер он приготовил на ужин мясо бобра; половину его разделил с женой, а остаток спрятал.

Пушистые шкуры были в вигваме Тугого Лука, следовательно спалось его жене на мягкой постели.

Утром, когда Чёрное Крыло проснулась, в вигваме никого не было. Долгий путь ждал охотника, а потому уходил он ещё до рассвета.

Поискала жена пищу, но ничего не нашла. «Куда же исчезло мясо?» — удивилась Чёрное Крыло.

Под вечер Тугой Лук вернулся с убитым бобром. Снова приготовил он ужин, а остаток мяса спрятал. Чёрное Крыло опять уснула глубоким сном. И опять утром не могла толк взять, куда девалось бобровое мясо.

На третий день Тугой Лук принёс домой лося. Как всегда, он отрезал жене на ужин толстый ломоть, чтоб сыта была, а часть лосиной туши отложил в сторону. Жена устроилась на ночлег, притворилась, что спит. А сама сквозь длинные ресницы поглядывала на мужа: не терпелось ей узнать, куда это он мясо прячет...

Через некоторое время прислушался Тугой Лук: ровно дышит жена — верно, крепко спит. Достал охотник маленькое берестяное лукошко, открыл его и... И тут Чёрное Крыло чуть не вскрикнула от удивления: из лукошка выпрыгнул человечек! Маленький, с палец ростом... Был он несъедаемый, будто в алой краске выкупан, а на плечи надали пряди чёрных волос... Человечек разом проглотил несъедобное, что дал ему Тугой Лук, но не вымолвил ни слова. Тугой Лук расчесал ему волосы, умыл и снова посадил в лукошко.

Чёрное Крыло всю ночь пролежала, закрыв глаза. Но сон так и не слетел к ней... «Что это за Красный Человечек?» — думала она.

На рассвете Тугой Лук неслышно покинул вигвам. Только унял за ним полог, как Чёрное Крыло мигом вскочила со своего ложа и кинулась к лукошку. Приоткрыв его, Чёрное Крыло так и замерла — на неё испуганно смотрел Красный Человечек, как две капли воды похожий на её мужа.

— Выходи, — ласково сказала Чёрное Крыло.

Но человечек забился в угол и молчал.

Чёрное Крыло захотела взять его, но человечек заметился, ловко ускользая от пальцев женщины. Лукошко было невелико, и Чёрное Крыло, изловчившись, поймала наконец Красного Человечка. Она поднесла его к лицу и стала разглядывать, поворачивая то так, то эдак. Человечек молча смотрел на Чёрное Крыло. Но вдруг... вдруг он подпрыгнул, взмахнул руками, будто крылышками, и... исчез.

Чёрное Крыло обыскала весь вигвам, перетрясла все шкуры, что лежали на полу, и те, что висели по стенам, — Красного Человечка нигде не было.

Чёрное Крыло испугалась. Что теперь делать? Выбежала она из вигвама и при ярком свете увидела, что ладони её стали красными и руки до самого локтя все в алых пятнах, будто забрызганы соком спелых ягод. Посмотрела вниз — ноги тоже покрылись пунцовыми метками. Такому память оставил о себе Красный Человечек.

Чёрное Крыло кинулась к ручью, вошла в холодную воду. Принялась она тереть ладони мыльным корнем, щеком, землёй. Что только не испробовала она, но красные пятна даже не поблекли...

Когда Тугой Лук вернулся с охоты, он сразу увидел, что руки у жены стали красные.

Тугой Лук бросился к лукошку — оно было пусто...

— Где мой брат? — сурово спросил охотник.

Чёрное Крыло опустила голову. Что она могла ответить? Тугой Лук молчал. Чёрное Крыло выбежала из вигвама и, не разбирая тропинок, через кусты кинулась к реке.

Тугой Лук бежал следом за ней. Достигнув берега, где она впервые увидела охотника, Чёрное Крыло прыгнула в воду...

Но как только прохладные струйки коснулись её тела, Чёрное Крыло обернулась уткой пегашом.

Навсегда остались на её перьях красные метки, и до сих пор загребает она воду красными лапками.

Вот как поплатилась Чёрное Крыло за своё любопытство.

Волчий Зуб и красавица Нитаки

Был Волчий Зуб колдуном. Однако надоело ему жить в одиночестве, и задумал он жениться.

Однажды увидел он красавицу Нитаки, подстерг её в лесу и унёс в свой вигвам. Девушка ни за что не соглашалась стать женой злого колдуна. Но всё равно Волчий Зуб не отпускал её. Его заклинания были так сильны, что, сколько ни старалась Нитаки убежать, к вечеру возвращалась назад.

Чтобы наказать непокорную, колдун придумал вот что: в разных селениях повелел он сказать всем юношам, что он, Волчий Зуб, отдаст красавицу Нитаки тому, кто исполнит три его желания. А кто не справится с этим, превратится в камень.

Много славных воинов пытались спасти Нитаки. Но всех их колдун обращал в каменные статуи. С каждым днём лес каменных людей вокруг вигвама делался всё гуще. Напрасно молила Нитаки освободить храбрецов. Волчий Зуб был непреклонен.

— Как много у тебя женихов! — злобно смеялся он. — Только почему никто из них даже слова тебе не скажет?

Каждого, кто появлялся в хижине колдуна, Нитаки встречала словами:

— Уходи! Уходи скорей, или ты погиб!

Однако никто её не слушал.

Узнал об этом один охотник. Он жил вместе со своей сестрой на дальнем озере.

Это был добрый человек, но не везло ему на охоте. Ни разу не довелось ему убить ни большого лося, ни старого медведя, ни орла. Оттого люди считали его трусливым и прозвали Заячье Сердце.

— Надо снять с Нитаки колдовство, — сказал он однажды сестре.

— Разве ты не знаешь Волчьего Зуба? — испугалась женщина. — Он погубил уже многих воинов!

— Посмотрим, сумеет ли этот зуб раскусить меня, — отвечал охотник. — Я пойду.

В тот же день Заячье Сердце отправился в путь. Пробираясь по лесу, услышал он глухие удары. «Что бы это могло быть?» — подумал Заячье Сердце и свернул в сторону.

На поляне под высоким орешником охотник заметил странного человека. Время от времени он высоко подпрыгивал, и после каждого прыжка его ноги увязали в земле по щиколотку. А в лесу раздавалось: бух, бух, бух!

— Что ты делаешь? — удивился Заячье Сердце.

— Хочу достать вон те орехи, — ответил человек.

— А не проще ли влезть на дерево?

— Нет, я слишком тяжёл. Недаром меня зовут Большой Бизон.

Заячье Сердце развязал свой мешок и накормил Большого Бизона.

— Могу ли я помочь тебе? — спросил Большой Бизон.

— Не знаю, — ответил Заячье Сердце. — Я иду, чтобы освободить девушку от чар колдуна.

— Тогда я пойду с тобой, — сказал Большой Бизон.

— Идём, — согласился охотник. — Для одного человека любой путь длинен.

Когда путники вышли из лесу, они повстречали человека, который привязывал к своим ногам большие камни.

— Вот не думал, что так удобнее ходить! — воскликнул Заячье Сердце.

— Мне удобнее, — отозвался незнакомец. — С самого утра я пытаюсь поймать бизона, но каждый раз я бегу слишком быстро и обгоняю стадо. А вы далеко ли собрались?

— Мы хотим освободить красавицу Нитаки.

— Вы смелые люди! — воскликнул Летящая Стрела (так звали незнакомца). — Я пойду с вами.

Отправились они дальше втроём.

Вскоре вышли они к двум большим озёрам. На берегу одного из них стоял человек. Он то и дело наклонялся к воде и делал глоток, при этом вода каждый раз на шаг отступала от берегов. И человек шёл по влажному песку вслед за ней.

— Никак не могу утолить жажду, — объяснил незнакомец. — Вот выпью это озеро, возьмусь за второе.

Осушив оба озера, он поднялся и сказал:

— Ух, теперь хорош.

«Никогда не встречал таких людей», — подумал Заячье Сердце, а вслух сказал:

— Мы хотим сразиться с колдуном. Не пойдёшь ли и ты с нами?

— Конечно, — сразу согласился Пьющий Озёра. — Только давайте разыщем прежде моего брата. Да вот и он!

Тут все увидели человека, который держал лук и, запрокинув голову, глядел в небо.

— Что ты там ищешь? — окликнул его Заячье Сердце.

— Стрелу, — отвечал человек. — Я выстрелил на заре и никак не дождусь, когда она упадёт.

— Далеко же ты стреляешь! — удивился Заячье Сердце.

— Нет, не очень, — возразил человек и, оглядев собравшихся, спросил: — Брат, куда идут эти люди?

Выслушав ответ, Мечущий Молнии сказал:

— Вижу, тут собрались настоящие воины. Я пойду вместе с вами.

Не успели они сделать несколько шагов, как сверху раздался тонкий свист и стрела, блеснув наконечником, вонзилась в землю.

— Стрела всегда возвращается ко мне, — объяснил Мечущий Молнии.

Путники шли не останавливаясь, пока не достигли поляны, где стояли окаменевшие юноши. Волчий Зуб кружился между ними в колдовской пляске. На нём были шапка из двух волчьих голов и волшебное одеяние из крысиных шкур.

— Что вам надо? — закричал колдун, увидев людей.

— Мы пришли сразиться с тобой, — ответил Заячье Сердце.

— Ты готов исполнить мои желания?

— Да.

— Так слушай! Вот этот холи заслоняет мой вигвам от солнца. Сдвинь-ка его в сторону! Если сможешь, конечно!

Тут Волчий Зуб сорвал с головы свою шапку, и шапка тут же превратилась в громадного волка. Колдун вскочил на него и умчался прочь.

— Этот Волчий Зуб — жалкий хвостун! — раздался вдруг голос Большого Бизона.

Тяжело ступая, он подошёл к холму и подтолкнул его плечом.

— Пошёл! Пошёл прочь! — крикнул он.

Каменная громада качнулась, дрогнула и с грохотом рассыпалась. Осколки Большой Бизон подобрал и забросил в лесную чащу, камни поменьше растоптал, обратив в песок.

Волчий Зуб вернулся на закате.

— Вижу, ты исполнил моё первое желание, — сказал он, осматриваясь. — Второе будет потруднее. Вон та река, — колдун ткнул пальцем вдаль, — каждую весну залиняет мои посевы. Осуши её!

И колдун скрылся в хижине.

— Отчего печаль легла на ваши лица? — раздался тут голос Пьющего Озёра. — Ведь я с вами!

Когда стемнело, он отправился к реке, выпил её до дна и пошёл искать ключ, от которого река брала начало. Его он тоже осушил в несколько глотков.

С первыми лучами солнца из вигвама вышел колдун.

— Ты рано торжествуешь победу! — злобно проговорил он. — Осталось последнее испытание. Сюда придёт юноша. С ним ты побежишь наперегонки. Если он будет первым, гибель тебе!

— Но раз вместо тебя побежит мальчишка, вместо Заячьего Сердца побегу я! — решительно сказал Летящая Стрела.

— Пусть будет так! — согласился колдун.

Зайдя в хижину, он мигом обернулся юношей и вышел снова. Летящая Стрела сбросил с ног камни. Заячье Сердце подал знак, и бегуны устремились вперёд.

Как колдун ни старался, он не мог обогнать Летящую Стрелу.

Когда оба выскочили из-за леса, старый колдун оглянулся. И тут Летящая Стрела промчался мимо него!

Волчий Зуб хотел скрыться в лесу, но Мечущий Молнии скинул свой тяжёлый лук. И колдун, поражённый стрелой, покатился по земле.

Что за веселье началось тут!

Все юноши, к которым вернулась жизнь, разошлись по своим селениям. А через несколько дней Заячье Сердце женился на красавице Нитаки.

Кролик-охотник

а высокими холмами, за быстрыми реками и густом лесу жили некогда кролик и старая крольчиха, его бабушка.

Как-то вечером сказал кролик:

— Не пойти ли мне на охоту?

— Пора бы, — отвечала крольчиха-бабушка, — а то есть нам совсем нечего.

Наутро кролик взял свой лук, колчан со стрелами и поехал в лес.

Солнце ещё не встало, и от холодной росы, от синего неба у кролика было так легко на душе, что он занел под сенку:

Ты, стрела моя, лети
И бизона подстрели!

Скакал кролик, скакал да вдруг замер на месте.

— Эх! Опередили меня, — пробормотал он.

На влажной тропке темнел след. Да какой! Пять прыжков сделал кролик, прежде чем от пятки до пальцев след добрался.

«Что за великан объявился в нашем лесу? — удивился кролик. — После него мне тут делать нечего».

Кролик прислушался — ни хлопанья крыльев, ни бильчьего цокота, тихо в лесу, будто никого нет.

Повернул кролик назад.

На другое утро кинулся он в лес пораньше. Но великан, Большая Нога, видно, пришёл ещё раньше.

Опять кролику пришлось есть одни ягоды, что собрала бабушка.

Вышел кролик на охоту, когда цветы и птицы ещё спали. Но, видно, Большая Нога поднялся до рассвета.

— Ах так! — рассердился кролик. — Ну, тогда и тебя поймаю!

Весь день он плёл сеть из стеблей крапивы и уже в темноте развесил её между деревьями поперёк тропинки.

— Теперь ему не уйти! — веселился кролик. — Утром буду пускать в него стрелы до тех пор, пока он не станет похож на хвост дикобраза!

Но что он увидел наутро? Сеть была разорвана сверху донизу! Большая Нога прошёл сквозь неё, как сквозь паутину.

В тот день кролик сплёл сеть из лыка.

— Уж эту ему ни за что не порвать, — ворчал он про себя.

Но и эта сеть была порвана.

На третий день кролик призадумался и решил сплести сеть из кожаных ремешков.

«Такая выдержит всё», — размышлял он, с трудом волоча сеть по лесу.

Но Большая Нога порвал и её.

Приуныл было кролик. Но тут вспомнил он, что бабушка знает волшебные слова.

— Бабушка! — крикнул кролик, влетев в хижину. — Ты ведь умеешь немного колдовать, да?..

— Не кричи на весь лес! — сердито прервала его старая крольчиха.

Кролик прикрыл дверь и сказал шёпотом:

— Пожалуйста, бабушка, сплети мне сеть тонкую, как паутина, и крепкую, как кремь!

— Вижу, ты опять его не поймал! — покачала головой бабушка. — Пошёл бы ты лучше в другую сторону, там и охотился.

— Удирать? — задрал мордочку кролик. — Ни за что! Ну сделай, бабушка, волшебную сеть!

— Ладно, — нехотя согласилась крольчиха. — Только не смотри, как я буду плести её.

Крольчиха ушла в дальний уголок хижины. Нелёгкая была у неё работа, хоть и волшебная. Сколько заклинаний крольчиха произнесла, сколько петелек нарисовала в воздухе, но к вечеру принесла готовую сеть, — она была крепче кремня и тоньше овсянки.

— Теперь ему не уйти! — твердил кролик, шагая меж деревьев.

Всю ночь он ворочался с боку на бок, а проснувшись тут же помчался в лес.

— Что это? — удивлялся кролик, скача по кустам. — Заря сегодня встаёт не там, где всегда!

Потом он выскочил к заветному месту и тут...

— Ой! — пискнул кролик и зажмурил глаза от нестерпимого света.

В его сеть попало СОЛНЦЕ!

— ВЫПУСТИ МЕНЯ! ВЫПУСТИ СЕЙЧАС ЖЕ! — громче тысячи громов загремело по лесу.

Земля дрожала от этого голоса, а деревья гнулись словно травинки.

Не помня себя от страха, кролик бросился прочь.

— Там... там... солнце, — еле проговорил он, приближаясь к бабушке.

— Как ты смел вернуться? — рассердилась она. — Выпусти его скорее! Разве ты не видишь, вокруг темно, никто не знает, что уже день настал?!

— Боюсь, — заплакал кролик.

— Всё равно, боишься ты или нет, — сурово сказала старая крольчиха, — ступай и освободи солнце!

Кролик затрусил в лес. Огненные стрелы солнечных лучей пробивались теперь до самой опушки, словно хотели пронзить кролика. Кролик метнулся назад, но бабушка ещё издали погрозила ему.

— Солнце слепит меня, не вижу ничего! — пронзительно крикнул кролик. — Помоги!

Тогда крольчиха обвязала ему глаза кожаным поясом, дала в лапы нож и вывела на тропку.

— Ступай вперёд! — сказала бабушка. — Режь ветки в любом месте. Не смей возвращаться, пока этого не сделаешь!

Кролик побрёл ощупью.

Голос солнца гремел всё ближе, жар становился всё сильнее, ноги уже не слушались бедного кролика. Но тут он сделал последний прыжок, взмахнул ножом, и солнце гневно пнуло зверька огненной пяткой, взмыло в небеса.

Едва отдышавшись, кролик медленно побрёл к своей

хижины. И тут синица, которая сидела на берёзе, увидела, что на его спине темнеет подпалённая шерстка.

Вот с той самой поры на спине у кролика бурое пятнышко — в память о давней охоте.

Вихио

В незапамятные времена, когда мир был не таким, как сейчас, родился на свет мальчик. Назвали его Вихио.

Едва солнце зашло в третий раз после рождения Вихио, отец по обычаям племени пришёл с ним в вигвам колдуна — показать сына. Старик долго смотрел на ребёнка. А затем промолвил:

— Храбрым воином станет твой мальчик. А ещё будет он любить шутку и весёлую песню.

Быстро рос Вихио. Рано научился он понимать крики птиц и зверей, распутывать паутину следов.

От рыжей белки узнал Вихио, что далеко-далеко в северных лесах живёт большой медведь. Он никого не пускает в свои леса, а если кто забредёт, назад вряд ли вернётся.

Подождал Вихио. Справил свой праздник Первой стрельы. А на другой день простился с родным селением, взял лук, подвязал лыжи и двинулся на север.

Много дней пробирался он по заснеженным чащам. И наконец вышел к большой реке. У берега заметил Вихио полынью, а вокруг следы больших медвежьих лап. «Так вот где ты бродишь! — подумал Вихио. — Ну берегись!» Присел он у полыни и стал удить рыбу. Скоро из лесу донёсся громкий треск, и на лёд вышел медведь, такой большой и страшный, что Вихио сразу понял, почему из этих мест никто домой не возвращается...

— Кто тут ловит мою рыбу?! — громко прокатилось по реке.

Вихио обернулся и спокойно сказал:

— Здравствуй, Медведь-владыка-лесов! Меня послала сюда рыжая белка. Говорила она, будто ты прямо лапами

рыбу таскаешь из ледяной воды. А ты посмотри, как я это делаю. Может, и тебе понравится.

Медведь покосился на маленького человечка, подошёл ближе.

Вихио закинул лесу, и вскоре возле него на снегу было несколько рыб.

— Ловко! — довольно прорычал медведь. — Только крючка вот у меня нету!

— Но у тебя есть хвост! — быстро ответил Вихио. — Сунь его в воду, а как рыбка клюнет, так и тащи.

Медведь сел на лёд, опустил в полынью свой коротенький хвост и стал ждать. Но когда захотел он подняться чтоб посмотреть, много ли рыбы попало, то почувствовал, что кто-то его крепко держит.

— Эй, человечек! — взревел медведь. — Погляди, кто это там схватил меня?

— Разве ты не узнал? Это ведь мороз! — смеясь, ответил Вихио. — Он посильнее тебя. Прощай!

Вихио встал на лыжи. Напевая песенку о Медведе-кото-рый-примёрз-ко-льду, он побежал прочь...

Долго шёл Вихио. Наступила весна, а он всё не встречал людей. Охотники не бродили по лесам, а индейские селения, через которые он проходил, были пусты.

Однажды навстречу Вихио выскочил кролик.

— Меньшой брат, куда делись люди? — спросил Вихио.

Пугливо озираясь, кролик сказал:

— Пока тебя не было, тут прилетела сова. И стали таскать детей прямо из вигвамов! Оттого все покинули эти места...

— Откуда она прилетела? — спросил Вихио.

Но ни кролик, ни другие звери, ни даже сорока не знали, где гнездо совы.

Тогда Вихио разыскал в селении детскую шапку. С трудом натянул её себе на голову и прилёг возле пустого вигвама. Ночью услышал он хлопанье огромных крыльев. Совсем рядом раздалось протяжное «у-у-ух». И в тот же миг чьи-то цепкие когти схватили Вихио и оторвали его от земли.

— Никому не уйти от меня! — глухо прокричала сова и понеслась в темноту вместе с Вихио.

Она подлетела к большому дереву и швырнула Вихио в дупло. Вихио стукнулся о дно дупла, огляделся. Потом вытащил из кожаного мешочка, который всегда висел у него на поясе, комок смолы.

— Эй, что это у тебя? — окликнула его сова, сверкнув жёлтыми глазами.

— На, попробуй, — ответил Вихио.

Сова тут же схватила круглый комок. Схватила — и клюв у неё склеился. Смола-то липкая! Ни проглотить, ни выплюнуть!

Сова забилась, завертела головой. А Вихио выбрался из дупла и спрыгнул на траву. И, сочинив на ходу песенку о Злой-сове-у-которой-склеен-клюв, Вихио пошёл разыскивать людей.

Он хотел сказать им, что они сами и дети их отныне могут жить спокойно.

Сын Утренней Звезды

Тихим летним вечером две сестры-индианки из племени черноногих прилегли в прохладной траве рядом со своей хижинкой и уснули.

На рассвете старшая из них, Нитаки, открыла глаза. На чистом небосклоне она увидела яркую утреннюю звезду — Утикаро. Девушка долго смотрела на неё. А когда проснулась младшая сестра, сказала задумчиво:

— Взгляни, будто мудрым оком смотрит на нас Утикаро. Если бы на тропе своей жизни я встретила юношу с такими глазами, я бы его полюбила.

Миновало лето. Птицы, пропев все свои песни, потянулись в тёплые края. Трава, к которой пришла старость, никла и увядала.

Однажды среди леса Нитаки повстречала незнакомого юношу. В волосах его горело золотое перо, от гордого лица трудно было отвести взгляд.

Нитаки свернула с тропы, чтобы пройти мимо, но юноша преградил ей путь.

— Ты не смеешь меня задерживать, чужестранец, — сказала Нитаки.

— Неужели ты не узнала меня? — воскликнул юноша. — Ведь я — Утикарро, дух Утренней Звезды. Я увидел тебя ещё тем ранним утром и сразу полюбил. До моего слуха донеслось, что ты говорила про меня сестре. И вот я пришёл за тобой. Если хочешь, мы поднимемся к моему отцу в Страну Вечной Юности, где все счастливы, где не знают ни старости, ни смерти.

Нитаки улыбнулась:

— Я пойду за тобой, но позволь мне прежде попрощаться с родными.

— Нам надо уходить сразу, — возразил Утикарро. — Путь далёк. — Он воткнул в волосы Нитаки своё перо и приказал: — Закрой глаза!

И Нитаки тут же почувствовала, что она, как птица, поднялась в воздух и летит куда-то.

Когда наконец Утикарро разрешил ей открыть глаза, она очутилась в совсем незнакомой стране. Вокруг росли деревья и травы, каких Нитаки никогда не видела. Неподдалёку стоял большой вигвам, крытый золотистыми шкурами.

— Мы в Небесной стране, — сказал Утикарро, подводя девушку к жилищу. — Здесь живут мой отец и мать, духи Солнца и Луны.

Солнце ещё не возвратилось со своей дневной охоты — и вигваме была только Луна. Она ласково встретила Нитаки. С тех пор девушка жила счастливо.

Невдалеке от вигвама Солнца Нитаки нашла куст, на котором росли какие-то крупные ягоды.

— Что это за ягоды? — спросила девушка.

— Оглянись кругом, дочь моя, — отвечала Луна. — Здесь много других сладких ягод. Эти же никогда не трогай. Запомни: никогда!

Шло время, и у Нитаки родился мальчик. Ему дали имя Сын Утренней Звезды. Нитаки очень любила его.

И вот однажды, когда Луна и Солнце уплыли в небо на своих волшебных пирогах, Нитаки бродила по лесу, держа на руках сына. Вдруг она увидела, что мальчик потянулся к кусту, покрытому красными ягодами. «Да ведь это те самые, о которых говорила мне Луна!» — вспомнила Нитаки. Тут Сын Утренней Звезды ухватился за одну ягоду. «Матушка Луна не будет на меня сердиться, если я сорву ягоду для своего маленького мальчика», — подумала женщина. Она выбрала самую красную, осторожно прикоснулась к ней. Но, сколько ни старалась Нитаки, ей никак не удавалось сорвать странную ягоду. Тогда она посадила Сына Утренней Звезды на траву, ухватилась за ветки обеими руками, потянула что было сил — и выдернула куст вместе с корнями!

Нитаки очень испугалась. Она огляделась, но увидела, что всё вокруг осталось по-прежнему. Так же зелела трава, шумели деревья и щебетали птицы. На том месте, где рос куст, женщина заметила небольшую ямку. Нагнувшись над нею, она увидела, что это не ямка, а дырочка, через которую далеко внизу виднеется Земля с её лесами, реками и селениями индейцев. Вспомнила тогда Нитаки мужа, кого оставила на родине, и горько заплакала.

Вечером, увидав печальное лицо жены, Утикаро догадался обо всём.

— Ты нарушила запрет Луны? — грозно спросил он.

Нитаки не смела поднять глаз. Тогда заговорила Луна:

— Моё предсказание сбылось. Ты нарушила мой запрет, и вот горе пришло в наше жилище...

— Нитаки должна вернуться к людям, — сказала мудрое Солнце. — Теперь она не будет счастлива с нами. Не плачь, женщина! Мы поможем тебе. Большой Паук, который ткёт облака, опустит тебя с сыном на землю.

Луна и Утикаро отвели Нитаки к вигваму Большого Паука. Добрый паук оплёл своей паутиной и её и Сына Утренней Звезды и сказал:

— Не бойся, я опущу тебя в твою долину, и ты сразу найдёшь знакомых людей.

В тот вечер индейцы племени черноногих увидели: рядом с их селением упала большая звезда. И на том месте, где она коснулась земли, появилась женщина с маленьким мальчиком на руках.

Вот как вернулась на Землю Нитаки.

Нэпи и Нип

Увождя индейцев дакотов был сын по имени Нип-Низаза. Но так обращались к нему только в дни больших празднеств. А обычно звали его просто Нип.

Индейцы племени дакотов исстари охотились на бизон. Целые стада бизонов бродили в те времена по прериям, и думали индейцы, что так будет всегда.

Но вот пришёл день, когда охотники, взойдя на высокий холм, не увидели ни одного бизона... Куда они ушли, никто не знал.

Печальными стали лица охотников. Нет бизонов — нет жизни. Ведь из шкур бизонов они делали одежду, из бизоньей кости вырезали наконечники для метких стрел, а мясо, сочное мясо бизонов служило пищей индейцам во все времена года.

Тогда к вождю пришёл его сын Нип и сказал:

— Позволь мне пойти искать бизонов.

— Но их не нашли даже старые охотники, — ответил отец.

— А я могу оказаться счастливее, — возразил Нип.

Вождь был горд, что в его сыне так рано пробудилось мужество. Он согласился. Мать дала Нипу старинный амулет. Мальчик перебросил через плечо лук, колчак, полный стрел, прицепил к поясу охотничий нож.

— Будь осторожен, сынок, — шепнула мать на прощание и скрылась в вигваме, чтобы никто не видел её слёз.

И Нип покинул становище.

Много раз всходило солнце и смотрело с высоты на маленького охотника. Нип всё шёл и шёл, не ведая страха, по

огромной равнине. Ночами он спал прямо на земле, и люди дивились его смелости.

Равнина кончилась, и Нип вошёл в густой лес. Здесь на опушке увидел он одинокую хижину. Около хижины сидел старый индеец и пристально смотрел в чашу с водой.

Когда Нип приблизился, индеец, не взглянув на него, сказал:

— Здравствуй, Нип-Низаза.

— Как ты узнал меня? — удивился Нип.

— Увидел тебя в воде, ну, а имя твоё написано у тебя на лбу!

Нип удивился ещё больше. Он понял, что попал к волшебнику.

— Ты прав, я волшебник, — сказал старик, отгадавший мысли Нипа. — Меня зовут Нэпи. Ты ищешь бизонов...

— Так скажи скорей, где они? — нетерпеливо воскликнул Нип.

— Не спеши, — отвечал Нэпи, — я помогу тебе. Но это не так-то просто. Войди в мой вигвам, поешь, отдохни, и тогда я кое-что расскажу тебе.

Волшебник угостил мальчика удивительными яствами — таких Нип ещё никогда не пробовал. Он отведал всего понемногу, как учила его мать, и поблагодарил старика.

— Вот теперь слушай, — сказал наконец Нэпи. — Недалеко отсюда живёт могучий великан. Это он однажды ночью угнал из прерий всех бизонов. Победить его трудно, ничто его не берёт — ни стрела, ни копье, ни нож. Но он глуп, как все злые великаны, и мы его одоолеем!

— Я исполню всё, что ты прикажешь, — сказал Нип. — Ведь дакоты голодают.

— Ты храбрый мальчик, — отозвался волшебник. — Теперь встань и не шевелись.

Нип выпрямился. Колдун обрызгал его водой. Мальчик тотчас почувствовал, что ноги его срастаются, руки прирастают к бокам и деревенеют и всё тело становится тонким и твёрдым, как на морозе.

Так Нэпи превратил Нипа в палку. Однако Нип по-прежнему мог видеть, слышать и даже... говорить!

А сам Нэпи обернулся маленьким щенком. Он схватил палку в зубы и побежал в лес.

Тропинка становилась всё шире и вскоре вывела к светлой поляне. Здесь у самой высокой ели стоял огромный вигвам.

Как раз в этот миг из него вышла великанша с сыном.

— Смотри, какая собачка! — воскликнул мальчик. — Длинней возьмём её!

— Ладно, — ответила мать. — У собаки хорошая шерсть, я себе сделаю из неё тёплую шапку. А вот хорошая палка. — Великанша ткнула ногой Нипа. — Будет чем коренья из земли выкапывать.

Великан сидел дома.

— Это ещё что? — закричал он, заметив щенка. — Не нравится мне этот пёс. Он принесёт нам горе! Вышвырни его отсюда!

— Мне нужна его шкура на шапку, — сказала великанша.

Великан недовольно проворчал что-то и отвернулся. Хотя и был он великаном, но своей жене перечить не смел.

После ужина великанша разложила на земле огромные одеяла, и вся семья легла спать. Когда стены дома задрожали от великаньего храпа, щенок превратился в Нэпи, периул палке облик Нипа, и оба, усевшись у котла, поели бизоньего мяса. Наутро щенок как ни в чём не бывало помихинал хвостом, а палка валялась у входа в вигвам.

С рассветом великан проснулся, обглодал бизонью ногу и ушёл по своим великаньим делам. Жена его, прихватив палку, отправилась в лес искать ягоды и выкапывать коренья. А сын свистнул щенку и увязался за ней следом.

В лесу мать с сыном принялись собирать чернику. Тогда щенок схватил палку в зубы и пополз в чащу. Там они снова превратились: щенок — в старика волшебника, а палка — в Нипа.

— Бежим, я знаю, где бизоны, — шепнул Нэпи и бросясь к красным скалам, что возвышались невдалеке.

Там в пещере Нип увидел бизонов: их было больше, чем звёзд на небе...

— Ого-го! — крикнул Нэпи и погнал бизонов в глубь пещеры.

Они бежали долго — казалось, пещере не будет конца. И вот вдали забрезжил свет: у пещеры был ещё один выход. Потом Нэпи и Нип гнали стадо через равнину.

— Как жаль, что нет со мной волшебной чаши, — горювал колдун. — Я посмотрел бы, что делает великан.

А великан к вечеру отправился в пещеру, чтобы, как всегда, выбрать бизона себе на ужин. Но в пещере остались только бизоньи следы.

— Где щенок?! — заревел великан, ворвавшись в свои вигвамы.

Но щенка нигде не было. И палка тоже исчезла.

Тогда великан бросился в погоню. Перешагивая с одного холма на другой, перепрыгивая через озёра, он мчался быстрее ветра. И вскоре заметил вдали на равнине стадо.

Но Нэпи тоже всё время оглядывался, чтобы вовремя увидеть великана. И когда из-за леса вдруг вынырнула огромная голова, он велел Нипу спрятаться под брюхом самого большого бизона. А сам нырнул под брюхо старого вожака и повис, уцепившись за длинную шерсть.

Великан подбежал к стаду, стал размахивать руками и кричать. Однако Нип и Нэпи кололи своих бизонов и били острыми палками. Разъярённые животные ринулись на великана и сшибли его с ног. Великан свалился в глубокий овраг и пролежал там четыре дня и четыре ночи.

А тем временем Нип и Нэпи добрались до становища.

Большой праздник устроило племя дакотов в честь их возвращения со стадом бизонов. Сколько было плясок! Сколько песен! Когда же веселье улеглось, Нэпи сказал:

— Великан ещё придёт. Нужно быть настороже.

А великан, оправившись, побежал к старой колдунье. И через несколько дней, когда индейцы погнали бизонов в загон, огромная серая птица опустилась на дерево, стоявшее поблизости. На эту птицу страшно было смотреть: она вращала красными глазами, щёлкала крючковатым клювом. Такой шум она подняла, что испуганные бизоны бросились из загона, ломая изгородь и сбивая охотников.

Стрелы, пущенные в птицу, ломались о её серые перья. Конья тоже не могли причинить ей никакого вреда.

— Это великан, — шепнул тогда Нэпи индейцам. — Я расправлюсь с ним сам.

Он спустился к реке, обернулся выдрой и лёг на берегу. Когда птица, распугав бизонов, полетела над рекой, на глази ей попался маленький зверёк. Только нацелилась птица ударить выдру клювом, как та вдруг схватила её за крыло.

— Пусти! — закричала птица страшным голосом.

Однако Нэпи, крепко держа птицу, уже нёс её к вигваму нождя. Здесь, опутав ей ноги толстым ремнём, Нэпи понесил птицу над костром. Весь посёлок сбегался посмотреть на диковинную птицу. А та уже почернела от копоти. Вдруг птица тихо проговорила:

— Что же будет с моей женой и с моим сыном?

И сказал тогда Нэпи:

— Я отпущу тебя, если дашь мне клятву не угонять бизонов, не отнимать у людей пищу. А чтобы слово твоё было твёрдым, ты отдашь мне своего сына. Мальчик будет жить вместе с Нипом среди дакотов.

Серая птица вылетела из вигвама — крылья её больше не шумели: они обуглились и съёжились от огня.

Нэпи тут же обернулся орлом и скрылся в той стороне, где стоял вигвам великана. Вернулся он не один: он принёс мальчика, сына великана.

Потом Нэпи попрощался со всеми и отправился в свою хижину. Там он сел и снова поставил на колени волшебную чашу с подой, чтобы видеть всё, что творится на свете...

Подарок черепахи

Авным-давно в глубокой котловине, такой глубокой, что солнце никогда в неё не заглядывало, жил мальчик Кирики и вся его семья: отец с матерью, сестрёнка и брат.

Мрачное это было место. Перед самым входом в вигвам высклалось большое озеро. А позади стояли серые скалы.

Голые, крутые скалы уходили вверх так высоко, что вершин их не было видно.

В водах озера жила старая черепаха. Она умела разговаривать с людьми, как все звери в те времена. Иногда она говорила мальчику:

— Давай плавать вместе!

Тогда Кирики взбирался на её твёрдую шершавую спинку, и черепаха уплывала далеко-далеко. Но куда бы они ни заплывали, Кирики ни разу не видел другого берега. Поэтому он думал, что у этого озера нет конца.

Но однажды старая черепаха исчезла. Она пропала много дней и ночей. И Кирики грустно сказал отцу:

— Наверно, черепаху съели рыбы.

— У неё крепкий панцирь, — покачал головой отец. — Пожалуй, рыбам с ней не справиться.

И правда, когда Кирики как-то утром пришёл на берег, из воды показалась голова черепахи.

— Где ты была? — обрадовался Кирики.

Черепаха улыбнулась и тихо сказала:

— Не спрашивай об этом. Я принесла тебе подарок. Возьми его. Он лежит у меня под языком.

Кирики осторожно нащупал во рту у черепахи что-то твёрдое и гладкое, похожее на камешек.

— Это зёрнышко, — сказала старая черепаха, пока Кирики рассматривал подарок. — Ты посади его.

— Посадить? — удивился Кирики. — А как это?

Черепаха обучила Кирики этому нехитрому делу. Он выкопал под скалой ямку и засыпал зерно песком, смешав песок с водорослями.

— Поливай его утром и вечером, — сказала наконец мудрая черепаха. — И тогда... тогда ты сам увидишь, что у тебя вырастет...

Каждое утро Кирики становился у ямки на колени и глядел во все глаза. Но ничего не замечал.

Так прошло четыре дня, а на пятый, когда мальчик, как всегда, пришёл с раковиной, полной воды, он увидел тонкий зелёный росток.

— Идите сюда! Скорее! — закричал Кирики родителям.

До чего же они удивились, когда сын показал им крохотный зелёный росток! Ведь они ни разу не видали прежде ни травы, ни кустов и не знали, что черепаха раздобыла для своего друга Кирики зёрнышко дикого винограда.

Лоза виноградная начала тянуться по скале, цепляясь усиками за расселины и уступы, поднимаясь всё выше и выше.

Однажды, когда Кирики бродил по берегу, он услышал из щели голос черепахи:

- Нравится тебе мой подарок?
- Очень, — улыбнулся Кирики.
- Он пригодится тебе, мальчик.
- Для чего?
- А ты взберись по этой лозе...
- Взобраться?
- Да, да, — сказала черепаха.

Недолго думая Кирики ухватился за толстый зелёный стебель и полез. Он лез, лез и, наконец, очутился так высоко, что, глянув вниз, не увидел своего вигвама. Кирики испугался и хотел было спуститься, но тут наверху что-то неожиданно блеснуло. «Что там такое?» — подумал он и решил подняться выше.

Наконец Кирики выбрался из каньона и увидел над собой высокое голубое небо и белые облака. Ноги его ступали по мягкой траве, руки сами тянулись к ярким цветам. А вокруг летали, бегали, прыгали странные существа, совсем не похожие ни на рыб, ни на черепаху.

- Как зовут тебя? — спросил одного из них Кирики.
- Лось, — услышал он в ответ.

Тогда мальчик спросил другое существо:

- А тебя как зовут?

И услышал в ответ:

- Лиса.

Маленькое существо высунулось из норки. Его звали мышь.

- Как зовётся ваш край? — спросил у неё Кирики.

— Это Край-где-мы-живём! — пискнула мышь и скрылась в траве.

Кирики озирался по сторонам, смотрел и не мог ни смотреться. А потом побежал со всех ног и мигом спустился по лозе в свой каньон.

— Знаете, где я был?! — ещё издали закричал Кирики. — В Краю-где-они-живут! Отец, идём скорее, ты сам увидишь, как там хорошо!

Отец взобрался по лозе наверх. И когда лица его коснулся тёплый луч солнца, а перед глазами раскинулся шивёр из пёстрых цветов, отцу захотелось забрать сюда всю семью.

— Скорей! — крикнул он, спустившись в каньон. — Собирайтесь! Мы уйдём в Край-где-они-живут!

Отец схватил младшего сынишку и полез первым. Потом стала подниматься мать. За ней карабкалась сестра Кирики, а сам он ещё стоял внизу. Вдруг Кирики увидел черепаху.

— Идём с нами! — позвал её мальчик.

— Нет, мои ноги не годятся для этого.

— Я понесу тебя, — сказал Кирики.

— Спасибо, Кирики, но я приплыву к тебе потом.

— Ты обещаешь? — спросил мальчик.

— Да, но это будет не скоро, путь труден и далёк.

И черепаха заковыляла к воде.

Не одна луна народилась, прежде чем черепаха приплыла в Край-где-они-живут.

Кирики, его отец, мать, сестра и маленький братец построили себе на солнечной поляне новый вигвам. И каждое утро благодарили Великое Солнце за тепло и свет, которым оно озаряет землю.

Как был зарыт томагавк

 о главе одного индейского племени некогда стоял мудрый вождь. Звали его Белое Перо. Много раз его воины выходили победителями в сражениях, и первым среди них всегда был Белое Перо. Не ступал ещё на тропу войны индеец храбрее и сильнее его.

Однажды, бродя между вигвамами, взглянул Белое Перо на игравших детей, и лицо его омрачилось. «Что ждёт их в будущем? — размышлял он. — Скоро эти мальчишки возьмут в руки оружие, и сердца их наполнятся радостью, когда острые стрелы полетят в птицу или зверя. Придёт время, и они так же станут разить людей. Но многие из них падут в битвах. Из девочек вырастут верные жёны. Однако если мужья их или сыновья не вернуться после жаркой битвы, они тайком ото всех будут плакать по ночам, и глаза их выцветут, лица увянут, а спины сгорбятся».

Собрал тогда вождь старейшин своего племени и сказал:

— Тот, кто первым поднял томагавк на своего брата, был дурной человек!

Долго говорил ещё Белое Перо, и старейшины согласно кивали головами. Когда вождь кончил, повелели они послать в соседнее селение гонцов:

— Пусть повсюду объявят, что отныне ни одна наша стрела не полетит в человека!

Самые сильные юноши племени — Лёгкий Мокасин и Быстрый Олень — понесли эту весть.

Лес на их пути становился всё гуще и сумрачней, ноги юношей начали вязнуть в болоте. И тогда Лёгкий Мокасин обернулся ястребом, а Быстрый Олень — волком. Звериными тропами пробрались они через такие места, где человеку не пройти.

Когда же солнце проглянуло сквозь толщу еловых веток, юноши приняли свой прежний облик и продолжали путь.

Дозорные чужого племени издалека заметили двух воинов. Однако на лицах пришельцев не было ярких боевых полос, а в руках оружия, поэтому их встретили как гостей и проводили к вождю.

Вождь выслушал юношей и повернулся к старейшинам племени.

— Кто лучше меня знает, что такое война? — загремел его голос. — Если бы слёзы, что пролили наши жёны, собрать воедино, перед нами заплескалось бы море без бере-

гов. Если кровь, которую пролили наши воины, ключом забьёт из земли, она окрасит все реки и озёра в алый цвет! Не раз без страха ходил я в сражения, и никто не посмеет назвать меня трусом. Но теперь я говорю: пусть будет мир! Через четыре дня мы сойдёмся на берегу Большой реки с племенем Белого Пера. Там закопаем мы наше оружие и станем жить как братья. Я сказал!

Никто не возразил старому вождю. Лёгкий Мокасин и Быстрый Олень пустились в обратный путь.

Три дня после их возвращения прошли в нетерпеливом ожидании, а на четвёртый всё племя в самых лучших нарядах собралось у вигвама Белого Пера.

В полдень на берегу реки встретились два племени...

Солнце не прошло и полпути в небе, а индейцы уже вырыли глубокую яму. Первыми бросили в неё свои томагавки оба вождя, а потом и все остальные воины обоих племён.

До самой ночи неслись над рекой песни радости!

Даже Великое Солнце не хотело уходить с небосвода, потому что не видало ещё людей более счастливых!

Содержание

СКАЗКИ ИНДЕЙЦЕВ ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Перевод с испанского

Печаль индейца. <i>Перевод Т. Каминской</i>	7
Цветок солнца. <i>Перевод Т. Каминской</i>	8
Рождение маиса. <i>Перевод Т. Каминской</i>	10
Любовь двух вулканов. <i>Перевод А. Грибанова</i>	12
Легенда о городе Мехико. <i>Перевод Т. Каминской</i>	14
Сердце гор. <i>Перевод Т. Каминской</i>	15
Легенда о вожде Карлике. <i>Перевод Т. Каминской</i>	18
Воин, победивший солнце. <i>Перевод Т. Каминской</i>	22
Кауполькан. <i>Перевод Т. Каминской</i>	23
Легенда о разрушенном городе. <i>Перевод Т. Каминской</i>	26
Гнездо ласточки. <i>Перевод Т. Каминской</i>	31
Почему птицы не говорят, а павлин не поёт. <i>Перевод Т. Каминской</i>	33
Свадьба колибри. <i>Перевод Т. Каминской</i>	36
Цветок луны. <i>Перевод Т. Каминской</i>	38
Лисёнок и шакал. <i>Перевод Т. Каминской</i>	43
Любовь матери. <i>Перевод Т. Каминской</i>	46
Закон сельвы. <i>Перевод Т. Каминской</i>	47
Вершина горы Ауйян. <i>Перевод А. Грибанова</i>	52
Пастух и дочь солнца. <i>Перевод А. Грибанова</i>	54
Колдовство оленя. <i>Перевод Т. Каминской</i>	57
Почему цапля живёт на берегу. <i>Перевод Т. Каминской</i>	60
Опустошённая земля. <i>Перевод Т. Каминской</i>	61
Песня Огаранти. <i>Перевод Т. Каминской</i>	65

СКАЗКИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Перевод с английского и немецкого Н. Темчиной

Мудрый Глускеп	73
Волшебник Глускеп	74
Как Глускеп подарил людям птиц	78

О том, как кролик потерял свой хвост	81
Мууни-сын-медведицы	84
Ошегейяс	88
Сказка про Скагеди	92
Гордая Красавица	97
Земляника	100
Сказка о белой кувшинке	103
Спор двух индейцев	107
Волшебный камень	111
Утка с красными лапками	114
Волчий Зуб и красавица Нитаки	118
Кролик-охотник	123
Вихио	126
Сын Утренней Звезды	129
Нэпи и Нип	132
Подарок черепахи	136
Как был зарыт томагавк	139

● Для младшего возраста

● СЫН УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

● Сказки индейцев Нового Света

Ответственный редактор Н. В. Шерешевская

Художественный редактор С. И. Нижняя

Технический редактор С. Г. Маркович

Корректоры Л. М. Короткина и К. П. Тявельская

Сдано в набор 26/III 1970 г. Подписано к печати 23/XI 1970 г. Формат 70×90^{1/4}. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 10,53. (Уч.-изд. л. 8,36). Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 481. Цена 48 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 585.

ЦЕНА 48 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“